ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 12 октября 1931 г. № 55 (154)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-59.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

привет газете „техника"

«9 октября вышел первый номер новой газеты «Техника», созданной в порядке реализации решений ЦК партии о технической пропаганде. Роль этой новой газеты определена в приветствии ей от тов. Сталина: «Газета «Техника» должна стать могучим орудием широких масс рабочих, хозяйственников и инженерно-технических работников в деле овладения техникой».

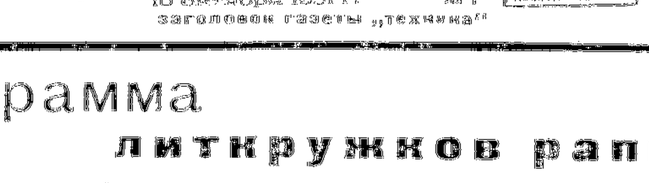
Советские писатели должны стать активными участниками борьбы за овладение высотами технической мысли. Поэтому наше приветствие «Первой большевистской технической газете» является вместе с тем и обязательством.

Советский писатель обязан быть постоянным сотрудником этой газеты, органически войти во всю ее работу. Выход «Техники» должен стать для нас стимулом широкого развертывания похода за технические знания художественными средствами. Советская литература должна отобразить грандиозный процесс овладения техникой трудящимися массами, показать различие нашей социалистической техники от техники капиталистической.

В лице новой газеты, мы уверены, литературная общественность приобретет помощника в этой своей работе. Одновременно она должна быть и нашим постоянным «контролером». «Техника» вместе с марксистской критикой должна бороться против увлечения писателей голым техницизмом, против абстрактного подхода к этой теме, против проникновения в художественную литературу по технике чуждых, буржуазных влияний.

Мы горячо приветствуем новую газету. Мы вместе с ней будем бороться за выполнение ее задач.

Эти задачи должны быть и будут выполнены, ибо «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».



заголовок газеты „техника"

борцу за осуществление сталинского лозунга

«Техника в период реконструкции решает все». Секретариат РАПП приветствует создание новой газеты «ТЕХНИКА», борца за осуществление сталинского лозунга, за вооружение техническими знаниями строителей социалистической промышленности и жмет ей успехов на фронте борьбы с косностью и отсталостью, на фронте овладения командными высотами технической мысли.

В этой борьбе пролетарские писатели обещают газете «ТЕХНИКА» свою помощь и поддержку.

СЕКРЕТАРИАТ РАПП.

задачи рапп на театральном фронте

секретариат рапп обсудил творческий документ о театре

Заседания секретариата РАПП носят все более общественный характер, привлекают внимание не только актива, но и дружковцев, и писателей-попутчиков. В результате заседания секретариата РАПП превращаются в целые конференции, на которых присутствуют по 60—50 человек.

Особенно большое число участников собрало последнее заседание секретариата РАПП, центром которого явилось обсуждение нового творческого документа РАПП по вопросам театра.

Тов. Афиногенов в своем докладе о разработанном проекте документа РАПП по вопросам театра подчеркнул, что документ дает анализ состояния советского профессионального и самодеятельного театра и сопоставляет положение театра в СССР и капиталистических странах. Документ РАПП о театре подытоживает опыт рапповской борьбы на тео-фронте.

Касаясь вопроса борьбы РАПП за пролетарского драматурга, т. Афиногенов отмечает, что, несмотря на укрепление в драматургии пролетарского сектора, наблюдается отставание пролетарской драматургии от темпов социалистической стройки. Ведущей тематикой в пролетарской драматургии должна явиться проблема реконструкции страны, переделки людей, создания нового социалистического человека. Задача рапповских драматургов — перенести весь опыт пролетарской литературы в театр.

На основе анализа оценка двух ведущих систем в театре (МХТ и театр им. Мейерхольда) документ РАПП дает оценку современного положения на теафронте.

Значительное место уделено самодеятельному искусству и драме. Проникновение классово-чуждых влияний и приспособленчества в самодеятельном искусстве требует со стороны РАПП решительной борьбы за создание новых кадров художественной интеллигенции из среды рабочих-ударников, за создание нового репертуара для рабочей и колхозной сцены, за организацию руководства работой самодеятельных кружков и драмов.

Документ дает оценку состояния и изложения пантеатров в Советском союзе и указывает на необходимость взаимодействия пролетлитературного движения и театрального движения в пяти республиках.

Обсуждая задачи, стоящие перед РАПП на фронте театроведения и теа-критики, т. Афиногенов в заключение освещает вопрос о создании театра РАПП. Театр РАПП должен стремиться стать в театре тем, чем стремится стать пролетлитература во всей советской литературе.

А. Афиногенов

Характерной чертой обсуждения проекта теа-документа была единодушная положительная оценка его как боевой программы действий, платформа для развертывания наступления пролетариата на теа-фронте.

Ю. Либединский в своем большом речи подробно остановился на вопросе самодеятельного искусства. На примере пролетлитературы, где объединял работа литературных и писателей-профессионалов, РАПП должны создать единый фронт работы массового самодеятельного театра и профессионального театра. Самодеятельный театр не представляет до сих пор единой организации и руководится водные людьми, не имеющими отношения к пролетарской революции, протаскивающими в самодеятельное искусство вредные и путаные идеи и «теории» («заловщина»). Надо коренным образом изучить и реорганизовать трамовское движение, где также не мало прорвали своими «теоретическими» высказываниями один из руководителей самодеятельного театра Адриан Пиотровский.

Самодеятельное искусство должно строиться как массовое движение рабочего класса.

Подделавшись опытом работы 1 МХАТ имени им. Горького (театр ЛАПП), т. Либединский говорит, что в основу работы театра РАПП должно быть положено самодеятельное искусство. Путь пролетарского театра от малой формы к большой — подобен пути от рабкоровской заметки к роману. Театры РАПП должны быть организованы во всех крупных промышленных центрах. Вокруг этих театров РАПП должна сплотить рабочий драмолюбник.

Присоединяясь к оценке данной документом РАПП системе МХТ, т. Литовский предлагает пересмотреть расширение этой системы на примере МХТ 2. В документе необходимо шире развернуть отдел о классическом наследстве в театре. Касаясь вопроса подготовки художественных кадров, т. Литовский говорит о том, что все недостатки, указанные в постановлении ЦК ВКП(б) о начальной школе, имеют место и в художественной школе. Надо решительно взяться за выдвижение и воспитание художественных кадров из рабочих масс.

Тов. **Чичаров** считает необходимым дать в документе РАПП более четкую оценку проблеме самодеятельного деревенского театра и проблеме взаимодействия профессионального и самодеятельного искусства. Должны быть также даны рапповские установки в системе художественного воспитания и подготовки художественных кадров.

М. Рославский отмечает, что в документе надо дать более развернутую характеристику современного состояния театра, в частности национального театра. Надо подробно остановиться и на вопросе о жанрах в театре.

Тов. **Подольский** в своем выступлении подчеркивает, что документ РАПП дает возможность сконцентрировать коммунистические силы на фронте театра. Касаясь проблемы международного театрального движения, т. Подольский говорит об ошибках бывшего руководства МРТО, где обосновалась группа «Пролетарский театр», которая не сумела привлечь в свои ряды лучших режиссеров и представителей революционно настроенной интеллигенции Запада. Надо перестроить работу МРТО при помощи РАПП.

Тов. **Гандурин** останавливается на приспособленчестве и красной халтуре в драматургии. **Е. Чернявский**, — говорит о необходимости создания новых центров искусства на новостройках и в промышленных районах.

Касаясь вопроса борьбы за творческий метод в театре, режиссер **А. Попов** отмечает, что в среде работников искусств есть тенденция рассматривать борьбу за творческий метод как очередную кампанию. Что говорит об известном застое и инерции некоторых теаработников. Правда, в основном в театре имеется здоровое стремление к созданию театра социалистической эпохи.

Секретариат РАПП поручил специальной комиссии в составе тт. **А. Афиногенова, Ю. Либединского и Л. Авербаха** окончательно отредактировать документ РАПП о театре.

КР.

об издании „истории заводов"

постановление цк вкп(б) от 19 октября 1931 года

1. Одобрить предложение т. М. Горького и приступить к изданию серии сборников «Истории заводов».

Сборники эти должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплоатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничества, соцсоревнование и под'ем производства за последние годы.

К составлению «Истории заводов» должны быть привлечены как сами рабочие, так и хозяйственники и инженерно-технический персонал.

2. Утвердить редколлегию «Истории заводов» в составе тт.: Горький, Каганович Л., Постышев, Андреев А. А., Енукидзе, Стецкий, Бухарин, Пятаков, Шверник, Косарев, Цихон, Бегушевский, Вс. Иванов, Авербах, Гронский, Гастев, Панкратов, Мехлис, Попов Н., Жига, Лебединский, Колотилов, Терехов, Сахайлов, Сунимов, Чумандрин, Зайцев, Писарев А., Кривов, Циперович, Сейфуллина.

3. Издание «Истории заводов» возложить на ОГИЗ.

ЦК ВКП(б).

новая программа литкружков рапп

Мы чрезвычайно запоздали с выработкой новой программы литкружков РАПП. Старая программа единодушно признана неудовлетворительной. По ней почти ни один кружок не проводил занятия, а там, где пытались последовательно проводить ее в жизнь, результаты получались самые плачевные.

Только на-днях секретариат РАПП утвердил перечень тем новой программы, но работа над конспектами и методразработками еще не закончена.

Нам нужна программа литкружка, которая действительно помогала бы творческому росту ударников, призванных в литературу, была неразрывно связана с сегодняшней практикой пролетлитературного движения, учитывала бы уровень знаний кружковца, толкала к работе над мировоззрением, мобилизовывала каждого кружковца на участие в выполнении боевых задач рабочего класса. Нельзя сказать, что всем этим требованиям отвечает полностью новая программа литкружка, но безусловно, что она является значительным шагом вперед по сравнению со старой.

Первое занятие «Призыв ударников и задачи пролетлитературного движения»,—составленное на основе решений последнего пленума правления РАПП об итогах призыва, должно помочь кружковцам осмыслить новый этап нашего массового движения, подчеркнуть роль призывников в РАПП и роль самой РАПП в системе организаций рабочего класса.

Второе занятие «Речь т. Сталина и задачи РАПП» вводит кружковцев в курс тех обязательств, которые берет на себя РАПП в борьбе за «шесть условий победы», на этой основе кружок сумеет намотить конкретный план своего участия в работе заводских организаций.

Третье занятие—«Генеральная тема пролетлитературы»—должно дать кружковцам понимание нашего лозунга «наступления по всему тематическому фронту» и основного звена в этом наступлении—показа героев и истории заводов. Разбор творческой продукции по показу героев должен подчеркнуть необходимость работы над качеством произведений, над усвоением всего творческого опыта пролетлитературы.

Под этим углом зрения будет организован ряд следующих занятий. Три занятия (четвертое, пятое и шестое) посвящены тому, как выковывались творческие лозунги РАПП в неразрывной связи с творческой практикой и литературно-политической борьбой и как теперь развертывается творческое соревнование в борьбе за большое искусство большевизма.

В прошлом учебном году кружковцы справедливо требовали ознакомления с основами литературной грамоты, чего же было в старой программе. Опасность формалистического истолкования литературных «приемов» несомненно велика. Но мы уже достаточно выросли, чтобы суметь дать конкретно-историческую оценку тем или иным сторонам так называемой «литературной техники». Надо надеяться, что мы сумеем, исходя из определяющей роли идеи произведения, роли мировоззрения и метода, осветить по-нашему изобразительные средства писателя. Вопросам овладения литературной техникой отведены седьмое и восьмое занятия (проза и поэзия).

Ударник, призванный в литературу, должен научиться критически подходить к тем произведениям, которые он читает, он должен не только полагаться на свое чутье, но и овладеть основами марксистско-ленинской критики. Этому отводится девятое занятие, которое будет построено главным образом на материале ленинских высказываний о литературе (о Толстом и Горьком).

Десятое занятие—«Культурное наследство и пролетлитература»—помимо общей постановки вопроса о нашем отношении к культурному наследству, наметит основные линии, по которым должна идти учеба начинающих рабочих писателей у классиков.

Наконец, одиннадцатое занятие—«Как складывалось напостовство»—даст, на основе уже имеющихся у кружковца знаний, исторический обзор борьбы напостовства с врагами пролетлитературы.

Следующие занятия должны ввести кружковцев в курс всей борьбы на литературном фронте. На двенадцатом занятии будет рассмотрена классово-враждебная и попутнически-союзническая литература, на тринадцатом—пролетарско-колхозная литература, на четырнадцатом—«межнациональная пролетлитература народов СССР, на пятнадцатом — международная пролетлитература. Опыт показывает, что неудовлетворительно намечать программу, в которой было бы больше тринадцати—пятнадцати тем, потому что помимо занятий по программе у кружка много времени требуется на разбор продукции кружковцев и обсуждения очередных задач.

Необходимо наметку новой программы немедленно же обсудить на литкружках, с тем, чтобы все имеющиеся замечания кружковцев своевременно прислать в секретариат РАПП—сектору работы с ударниками.

Д. М.

издательства должны работать по-новому

о новой роли редактора и критика

Как бы ни была высока активность рабочего класса — ее нужно организовать. Одними разговорами о гегемонии нельзя обеспечить победу литературного дела пролетариата.

На первый план выступают сейчас меры организационные. В частности выдающуюся роль в организации литературного воспитательства широких слоев рабочего класса — в связи с последним постановлением ЦК об издательской работе — должен приобрести редактор.

Всем известно, что основным работам аппаратом наших издательств являются редакторы. Постановление ЦК указывает, что «издательства не развивают должной активности в привлечении и организации авторских кадров» и что качество книги отстает от предъявляемых к ней серьезных требований, что объясняется в частности «плохим подбором редакторских кадров».

Возникает вопрос, каким должен быть редактор в наше время? Тип редактора, который

Все входящие
сразмывает впечатления,
и печатает
в журнале
в исходящим.

явно нас не удовлетворяет.

Редактор, который сидит в кабинете и ждет, что ему принесут рукопись домой — это или опортунист или архивный пудель.

«Должность» редактора в эпоху реконструкции, в эпоху призыва перестает быть неподвижной «сидячей». Наоборот. Его роль — роль разведчика. Много общего она приобретает с функцией газетного репортера. Пресловутая редакционная корзина уходит в область преданий. Постановление ЦК предлагает организовать отзывы и советы «авторам всех поступающих в издательства рукописей, независимо от принятия их в производство».

Ближе к источникам «сырья», к массам, к станку, лицом к писателю производство! — таков лозунг современной литературной эпохи. Будущее определяет — из этого должно исходить — новый тип писателя, который очень рано будет литератором по совместительству, литератором, который не порывает с производством.

Издательство должно интересоваться по существу той отраслью жизни, которую оно отражает в своих книгах. Редактор должен подходить к материалу и к работе с автором не только с литературной точки зрения, но и активно вследрадеть в жизнь предприятия. У нас в этом отношении есть прекрасный, недавний опыт рабочих бригад, боровшихся с прорывами и писавших книги. Или он уже забыт?

Организованная связь между издательством и социалистическим производством продвинет нас дальше по пути реального соединения физического и умственного труда, свяжет хозяйство и культуру, как сообщающиеся сосуды, даст производству во-время нужные книги, даст фабрикам книги талантливых пролетариев-литераторов.

Кабинетных редакторов должно становиться все меньше (за исключением редакторов-руководителей и техредакторов). Нужно обязать каждого редактора вести читательский кружок на предприятии. Указания ЦК об организации библиографии ставит по-новому вопрос об учете массовых отзывов.

Читательский кружок — это только наименее обязательная форма связи редактора с жизнью завода. Чем глубже и многообразнее внедрение литературного разведчика в общественную жизнь того или иного производства, чем более внимательнее и культурнее сам этот разведчик, тем больше возможности своевременно схватывания материала, тем больше шансов на повышение политической квалификации самого редактора.

Скажем попутно два слова и о критиках с этой точки зрения. Наши критики привыкли к нескольким книжкам рабочих-ударников и высказывают из них замечательные обобщения. Сидячие редакторы вооружаются в кабинетных перекладках, перемалывая, сокращения, дополнения и механического легкого повторного использования уже выжатого материала и авторского кадра.

Но ведь неразвращенного и в этой области гораздо больше в нашей стране, чем выдающегося и открытого. И вторая пятилетка ждала над каждым бесстаниавливающейся или перед тем геологической разведки, должна выявить гадательные пласты литературных возможностей рабочего класса.

Нашим критикам, вместо того чтобы сплошь и рядом заниматься словесностью, которая приносящих ассортимент общих фраз, гораздо полезнее вникнуть в практику подготовки новых явлений пролетарской литературы непосредственно, так сказать проследить их, услышать их рождение, организационно формируя в дополнение к общему политико-воспитательному развитию. В самом деле, вряд ли кого может удовлетворить роль свидуа при литературе в эпоху призыва, в такое время массового литературного творчества, как наше, время.

В спорах 1924 года о литературе молодые пролетарские писатели протестовали против фаталистической установки Воронского, что новый писатель явится сам по себе, стихийно — придет, десять, не медлясь берет. Одним из центральных пунктов спора был вопрос о роли организации в появлении нового писателя.

«Медлить нельзя» теперь — новостройки. Туда, на периферию должна прийти организационная помощь. Чем больше размах нашего строительства, чем больше роль пролетарской литературной организации и ее передовых теоретических разведчиков в призыве и воспитании новых литературных кадров.

В. ПЕРЦОВ

„молодая гвардия" не справляется со своими задачами

На последнем секретариате МАПП был заслушан доклад т. Гребенникова о работе литературно-художественного отдела изд-ва «Молодая гвардия». Отдавая сладить все острые углы, которых и работе издательства больше чем достаточно, т. Гребенников сделал несколько общих замечаний о работе руководимого им отдела, причем самокритика в его докладе совершенно отсутствовала.

Большинство самокритики докладчика в лихой полемике высказывающихся в прениях. В кратком, но весьма обоснованном разборе продукции тт. Швецова и Цепинский дают весьма отрицательную оценку книгам, выходящим в серии «Страна должна знать своих героев».

— Темпы издания этой серии падают за счет ее качества,—говорит С. Кирьянов.—Если МАПП уделяет мало внимания работе «Молодой гвардии», то само издательство проводит свою работу огорожено, от пролетлитературного движения. Массовая работа литкудотделов поставлена плохо, связи с литкружками нет.

Не лучше обстоит дело в «Серии новинок комсомольской литературы». Выпускаемая продукция стоит на низком качественном уровне; часто попадается переиздаваемая литература («Наш пятый»—Собочевского, «Комсомольские будни» — Бутковского и др.). Издательство не справляется со своими задачами.

Секретариат МАПП признал необходимым организовать творческую группу комсомольских писателей при журнале «Молодая гвардия» и выделить литкружковцев в рабочий редсовет литкудотдела издательства.

Е. П.

ленинградские письма

от нашего своего корреспондента

литфронтовщина за ширмами лоппи

Трехзначными и двузначными цифрами, статистикой роста низовых кружков, тиражами районных сборников и литературщ—всем этим руководство ЛОПКИ долгое время маскировало свою линию литературно-политическую линию, свои вредные литфронтовские установки в руководстве массовым пролетарско-колхозным литературным движением.

Последний литературный год прекратил областное общество крестьянских писателей, объединявшее 150—200 литераторов—профессионалов, в массовую организацию пролеткольховых писателей, в ряды которой вошли свыше 1000 ударников полей, в организацию с 25 районными отделениями и сотней литкружков в совхозах и колхозах.

Однако недостаточная идейно-воспитательная работа с призывниками, погоня за внешними эффектами привела к отлову литкружковцев, к низкому идейно-творческому уровню районных изданий.

Один из основных прорывов в практической работе—прорывы в призыве ударников в литературу—явился следствием литературно-политических ошибок руководства ЛОПКИ. И «ведущая» ошибкой надо признать «добрососедские отношения» части секретариата ЛОПКИ с «Литфронтом».

Во время борьбы с «Литфронтом» (в прошлом году) руководство ЛОПКИ блокировалось с «Литературным фронтом». Этот блок поддерживался очень долгое время. Достаточно вспомнить II областную конференцию ЛОПКИ, на которой сольклатчиком о творческом методе в пролетарской литературе выступил идеолог «Литфронта» Г. Горбачев (!).

Ряд вопиющих ошибок содоклада Г. Горбачева остался на конференции неразоблаченным. Более того, доклад Горбачева был затем напечатан (как статья) в органе ЛОПКИ—журнале «Перелом». Правда, в редакционной сноске указывалось, что «редакция вернется к обсуждению статьи», но... прошло 9 месяцев, и статье редакция не вернулась.

Характерная иллюстрация «заигрываний» с «Литфронтом»: к первому в СССР областному слету литературных ударников полей секретариат ЛОПКИ составил поэтику из докладов... А. Горохова, А. Камегулова. Только перед самым слетом удалось отменить этот «парад» литфронтовских вождей. Эта иллюстрация не единственная. И совершенно верно бюро комфракции ЛОПКИ на одном из последних заседаний квалифицировало литературно-политическую линию группы руководящих товарищей из секретариата ЛОПКИ как линию «сотрудничества с «Литфронтом».

Эта линия привела к совершенно ненормальным взаимоотношениям ЛОПКИ с Ассоциацией пролетарских писателей. Руководство ЛОПКИ в повседневной работе стремилось не к сращиванию с ЛАПП, а к созданию какой-то обособленной «крестьянской писательской республики».

Во всей работе ЛОФОСП ЛОПКИ также занимало позиции, ведущие к отрыву от ЛАПП. Эта антирапповская позиция была проиллюстрирована обилием фактов и примеров на последнем собрании актива (расширенный секретариат) ЛОПКИ. Чрезвычайно любопытным было выступление А. Чистякова — вождя «Бороды», «бокового хода» и др. (занимал одновременно членом ЛОПКИ и членом ЛАПП). Чистяков посещал занятия литературной творческой группы «Дружба». Ответственный секретарь ЛОПКИ Н. Брыкин предложил ему прекратить «хождения в ЛАПП» под угрозой вынесения вопроса о нем на секретариат ЛОПКИ (!).

Другое, еще более зловещий факт: представители ЛАПП в свое время предложили секретариату ЛОПКИ принять руководство литпоэтическими литкружками в латышских колхозах. Н. Брыкин повел кампанию против перехода колхозных литкружков в ЛОПКИ. Он усмотрел в этом «политику»: **«Не передаются ли кружки для укрепления пролетарского влияния в колхозной литературе?»**

Абсолютно неверная линия руководства нашла отражение и в творческой практике ленинградских пролетарско-колхозных писателей. Большинство вышедших книг, даже наиболее творчески выдающихся писателей, находится на каком-то низкохудожественном уровне. Творческому отставанию соответствует полный зажим самокритики в организации. «Перелом» занимался «захваливанием» своих писателей. Если же по незнанию кратко в статье попадалась отрицательная оценка, редакция критического отдела сокращала ее до минимума.

Постановлением секретариата ЛОПКИ Н. Брыкин и Яцинов из состава секретариата и редколлегии «Перелома» выведены. Но это не решает еще дела.

Она могла проводить свою линию потому, что отражала настроения **определенной части организации.** Поэтому особенное значение имеет те мероприятия по оздоровлению ЛОПКИ и установлению контакта с ЛАПП, которые намечалось провести.

С другой стороны, «сигнал из Ленинграда» заставляет познимательнее присмотреться к работе других организаций пролетарско-колхозных писателей и всего ЛОПКИ в целом.

Б. РЕСТ

профиздат передал мапп 13 ударников

на расширенном заседании редсовета профиздата

Расширенное заседание редсовета призыва ударников в литературу, заседание, на котором присутствовали представители профорганизаций и многочисленные рабочие авторы-активисты профиздата, открылось докладом т. **А. Виталок.**

Охарактеризовав истекший год, как год большой и плодотворной работы издательства с ударниками-рабочими-авторами, т. Виталок говорит, что многие рабочие авторы профиздата не ограничиваются в своем общении с издательством одной писательской работой. **Многие из них работают в издательстве.** (Тарасевич, Боровик, Павлов). Под их редакцией уже вышел целый ряд книжек.

— Многие авторы-призывники,—говорит докладчик,—растут в сторону художественной литературы. Наша задача — помогать этому росту, стимулировать этот рост. Но именно здесь профиздат не располагает всеми необходимыми средствами. Именно здесь должны выступить на помощь рапповские организации, с которыми всем нам надлежит работать в теснейшем контакте.

Подчеркнув далее необходимость самой активной и действенной помощи ударникам-призывникам в литературу со стороны профорганизаций, т. Виталок заканчивает свой доклад сообщением, что **профиздат совместно с профсоюзами и газетой «Труд» подготовляют всесоюзное совещание рабочих-очеркистов.**

Выступавший с приветствием от имени секретариата РАПП т. Селивановский указал на большие успехи РАПП в закреплении призыва. Большую часть своего выступления т. Селивановский посвятил критике слабых мест в работе РАПП с призывниками.

Мы еще не научились работать с каждым призывником в отдельности. Еще плоха постановка учебы. Между тем в свете задач создания большого большевистского искусства задача учебы стоит сейчас остро, как никогда.

Отметив значение речи т. Ангелозиа (в годовщину призыва) для усиления поворота профсоюзов лицом к пролетарской литературе и большую работу, проведенную издательством ВЦСПС, т. Селивановский заканчивает свое выступление указанием на необходимость более тесной связи РАПП с профсоюзами.

Ударники-призывники тт. **Жуковский** (Первомайская), **Шейков, Боронин** (Октябрьская дорога), **Шейн** (Московская), **Святенко, Уваров** (Мостпроходка), **Радин** (Дело Ильича), **Павлов, Самсонов** и др.— в своих речах основное место отвели критике недостатков работы с призывниками, критике распорядительного аппарата, по вине которого литпродукция призывников часто приходит в канцелярских дебрях, не доходя до рабочего читателя. Центральная тема всех выступлений—необходимость упорной и хорошо налаженной учебы.

Основным моментом заседания явилась передача редсоветом профиздата 13 лучших ударников-призывников кружков МАПП. Тов. А. Виталок, передавая ударников МАПП, заявил:

— Мы неразрывно связаны в своей работе с работой РАПП. Передача наших авторов литкружкам МАПП—яркое доказательство этому. Мы передаем их для дальнейшей работы, для дальнейшей учебы. Разновидные организации выхуют из них подвижных стойких бойцов за пролетарскую литературу.

К. Боронин, С. Тарасевич, И. Павлов (завод им. Ленина), **И. Павлов** (5-я типография Трехгорка), **Уваров, Шейн, Ф. Радин, Резник, Венецев, Лернер, Каграманов, Юханов, Святенко** — все имели поручения, переданных профиздатом в МАПП. Ударников-призывников принимал тов. **Боровой.**

В заключение состоялось премирование лучших рабочих авторов.

беседа а. халатова с ударниками-литкружковцами

Состоялась беседа тов. А. ХАЛАТОВА с группой ударников, призванных в литературу.

— Работа литкружка на предприятии, — сказал т. Халатов, — может и должна быть широко использована издательствами и их массовым сектором. Литкружок должен взять на себя обсуждение продукции, выпускаемой ГИХЛ.

Предложение т. Халатова было принято кружковцами с большим удовлетворением. Литударники обратились к т. Халатову с просьбой увеличить выпуск пособий для литкружков, для творческой учебы ударников.

Детальнее вопрос об учреждении фонда ОГИЗ имени призыва ударников в литературу для премирования рабочих-авторов, т. Халатов предложил всю работу по конкретизации этого вопроса нечесть МАПП. ОГИЗ предлагает включить в число премий 1.000 комплектов «Вопросов ленинизма» Сталина; тысячу комплектов «Шестимесячника» Ленина; туристские путевки на крупнейшие строительства; организацию бригадной поездки за границу; командировки на учебу, в отдельных случаях командировки за границу и т. д. При РАПП должно существовать специальная комиссия, которая будет присуждать премии как литкружкам, так и отдельным товарищам.

Е. П.

издательство „академия" на новых путях

На днях под председательством т. Халатова состоялось совещание по вопросу о реорганизации издательства «Академия». В совещании приняли участие М. ГОРЬКИЙ, ИОНОВ, НЕВСКИЙ, СТРАУМИ, ТИХОНОВ и др. Совещание заслушало отчет т. ЕКОВА о выполнении производственного плана издательства на 1931 г. и намечило практические мероприятия, направленные к перестройке издательства в соответствии с директивами партии и согласно специального постановления, находящего в систему ОГИЗ и в основном работающего для эксперта советской книги.

М. ГОРЬКИЙ подчеркнул в прениях огромное значение организации такого издательства.

«Следует издавать книги для заграницы,—сказал М. Горький, — предварительно не выдав спрос на них у нас. Следует давать книги, отображающие наши достижения, наше строительство, наш литературный быт. Почему бы не дать для заграницы в прекрасном художественном оформлении, скажем былину о Ваське Буслаеве с рисунками Рабушкина, или например «Конька-горбунка» с иллюстрациями Афанасьева? Заслуживает серьезного внимания издание Истории живописи. За границей — большой интерес к нашей этнографии, и это нужно учесть нашему издательству. Кстати, почему бы не издать ненаданные рисунки Боткинского, находящиеся в Новгородском музее к роману «В лесах», или рисунки Соколова?

Тов. ИОНОВ развернул проработанный план издательства. Кроме издания русских классиков, историко-литературных и мемуарных книг, необходимо включить в планы сокровища мировой литературы, дополнить планы широким разделом по искусству, кино, играм о кино, театре, книгами, посвященными культуре народов СССР, революционным праздникам и т. п.

Тов. ХАЛАТОВ сформулировал конкретные пути перестройки «Академии». С октября издательство начинает работать в новом плане.

СОВЕЩАНИЕ ИЗБРАЛО М. ГОРЬКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ РЕДКОЛЛЕГИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АКАДЕМИЯ».

филипп супо

В Москву приехал французский писатель, Филипп Супо, один из ведущих поэтов французского дадаизма и основоположников сюрреализма. Он готовит для крупного издательства книгу об индустриализации СССР и коллективизации движения.

ю. либединский ответственный секретарь лапп

ЛЕНИНГРАД (НАШ КОРР.). Ответственным секретарем Ленинградской ассоциации пролетарских писателей избран т. Ю. Либединский.

на секретариате фосп

призыв иностранных рабочих-ударников в литературу

Секретариат ФОСП заслушал доклад Бруно Ясенского о показе героев пятилетки международному пролетариату и участии в этой работе писательских организаций.

Выступавшие в прениях тт. **П. Скосырев, О. Колесникова, Л. Ларский, А. Виноградов, А. Субботин, П. Сухотин, А. Дорос отметили,** что художественный показ социалистической стройки и ее героев иностранным рабочим является задачей не только МОРП, но и всей писательской общественности. Каждая литорганизация должна выделить писателей для выезда в составлении очерков о героях пятилетки, очерков, которые будут помещаться в зарубежной коммунистической печати.

При показе героев пятилетки наша литература должна отображать и переживания иностранных рабочих, участвующих в социалистической стройке. Надо провести призыв иностранных рабочих-ударников в литературу и привлечь их к созданию произведений о героях пятилетки. Необходимо реализовать имеющееся предложение ВСНП, об издании альманаха на четырех иностранных языках.

Секретариат ФОСП избрал постоянно действующую комиссию из представителей литорганизаций и МОРП, которая будет вести всю организационную работу (под руководством МОРП) по собранию литературного материала для зарубежной печати. Решено выпустить специальный сборник на четырех иностранных языках.

Совместно с МОРП, Федерация советских писателей организует собрание иностранных рабочих Москвы с докладом о задачах показа героев пятилетки. К организации иностранных рабочих-писателей ФОСП привлечет квалифицированных писателей-переводчиков. Секретариат ФОСП и МОРП будут выпускать ежемесячные бюллетени с отзывами о наиболее интересных книгах, выпускаемых за границей.

АН.

Л. АВЕРБАХ

ИЗ РАППОВСКОГО ДНЕВНИКА

является ли РАПП единственным проводником партийной линии в художественной литературе?

Стоит ли ставить такой вопрос? Да, стоит. Посмотрим, что пишет на эту тему тов. С. М. в «Комсомольской правде» (№ от 4 сентября 1931 г.): «Для нас лозунг большого искусства большевизма не представляет собой неожиданной смены курса пролетарской литературы. Этот лозунг отчетливо сформулирован в такой момент развития пролетарской литературы, когда основная организация пролетарских писателей — РАПП — признана партией единственным проводником партийной линии в художественной литературе».

Так ли обстоит дело? На это ли претендует пролетарское литературное движение? И случайны ли те построения, которые выявились в приведенной выше формулировке тов. С. М.?

РАПП не ставил и не ставит перед собою никаких задач, кроме тех, которые диктуются партией коммунистам, работающим на литературном фронте. РАПП воспитывался и воспитывается в борьбе против традиций и навыков литературных кружков, инфицированных влиянием Пенна на то, что литературное дело должно быть частью общепролетарского дела. РАПП боролся и борется (во многом недостаточно, со многими упущениями, с ошибками и промахами) против различных уклонов от линии партии — боролся и борется в основном успешно, потому что за линию партии он боролся и борется под руководством партии. РАПП удалось консолидировать большую и лучшую часть коммунистически писательских кадров на основе развертывания массового рабочего литературного движения. Из всех литературных организаций именно РАПП является опорой литературной политики партии. Но это отнюдь не означает превращения РАПП в единственного проводника литературной политики партии. Больше того. Превращение РАПП в такого единственного проводника означало бы непонимание условий и характера работы в области литературы, означало бы предрешение всяких форм и методов работы широкой идейно-воспитательной организации, какой должен быть РАПП. Ничего общего с линией партии это, конечно, не имеет. Партия никому — в том числе и РАПП — не передоверяет проведения своей линии. Партия никому — в том числе и РАПП — не дает монополии на выступления от имени партии. Партия не ограничивает число проводников своей литературной политики одним РАПП. Разве «Правда» не проводник литературной политики партии? Разве издательства и редакции журналов не должны быть проводниками литературной политики партии?

Откуда же идут характеристики РАПП, как единственного проводника литературной политики партии? Они идут из среды рапповцев, у которых в результате еще очень скромных, по сути дела, успехов, уже закружилась голова.

Они идут из среды стремящихся проникнуть в, наверное, частью уже проникших в РАПП мелко-буржуазных мещан, желающих «сделать карьеру» на ставшей «модной» литературе. Они идут из среды бывших литтфронтовцев, желающих сегодня демонстрировать свою по-заций пролетарского искусства.

Тот же тов. С. М., в той же статье пишет следующее: «Если ранее перед пролетарскими писателями стояла задача — подняться до уровня литературного мастерства классиков, то теперь поставлена задача — превзойти классиков» (курсив мой. Л. А.).

Это положение было подвергнуто резкой критике на пленуме правления РАПП. В числе прочего оно было охарактеризовано, как несвежественное и антикультурное. На нашу критику в «Комсомольской правде» ответил тов. С. Медведев, утверждая, что «тов. Авербах приписал ей (статье С. М. — Л. А.) тезис: «догнать и перегнать классиков», тогда как в статье было сказано о том, что перед пролетариями писателями стоит задача не только подняться до уровня литературного мастерства классиков, но и превзойти этот уровень мастерства». Тов. С. Медведев имеет право толковать статью тов. С. М. как ему, Медведеву, угодно. Однако путает интерпретацию (т. е. истолкование) с фальсификацией (т. е. искажением) по большей части именно антикультурный человек, а не просто антикультурный. Сравните обе приведенные цитаты. В первой цитате идет речь о том, что раньше стояла задача подняться до уровня классиков, а теперь поставлена задача превзойти. Это целая точка зрения: мы так коротко, что сменяем раньше стоявшую задачу — догнать, т. е. подняться до уровня, на новую задачу — перегнать, т. е. превзойти. Во второй цитате уже безотносительно к условиям места и времени («раньше» и «теперь») идет речь о задаче не только подняться, но и превзойти.

Здесь, следовательно, уже вовсе нет речи о том, что раньше перед нами стояла задача догнать, т. е. «подняться до уровня» — здесь эта задача продолжает стоять, и таким образом, убеждаемся как раз то, что прежде всего являлось предметом критики на пленуме правления РАПП. Первая формулировка тов. С. М. представляла собой оценку современного уровня пролетарской литературы. Вторая формулировка тов. С. Медведева представляет собою увиливание от ответа на этот вопрос и попытку замазать или убрать тот ответ, который был заключен в первой формулировке. Вместо признания ошибки тов. С. Медведев пытается ее вовсе отрицать. Делает он это приемом, употребляемым отнюдь не несвежественными литераторами, но, наоборот, литераторами грамотными — по части подделок, искажений и сознательного шума, рассчитанного не на обманчивое читателя суть спора, а на обманчивое читателя. С этой точки зрения тов. С. Медведев не несвежественен — то-есть, на деле и по существу, он несвежественен вдвойне.

Нам интересно, однако, не то, как «маневрирует» т. С. Медведев, спасая тов. С. М. Нам интересна показательная, отнюдь не случайная, весьма для некоторых характерная мысль, высказанная тов. С. М. и далее тов. С. Медведевым по вопросу об уровне классиков и об уровне современной пролетарской литературы. Этот вопрос настолько важен и интересен, что им следует специально заняться.

Идет ли пролетарская литература по пути к гегемонии? Безусловно. Значительны ли ее творческие достижения? Несомненно. Осуществляет ли РАПП ведущую роль по отношению к всем другим литературным организациям? Да, все более начинает осуществлять, не только на словах, но и на деле. Но мы еще далеко не преодолели отставания пролетарской литературы от тех требований, которые предъявляются ей сегодняшним этапом пролетарской революции. Наши пролетарские писатели еще далеко не перестроились. Ряд важнейших тем ими или не разрабатывается вовсе или разрабатывается очень плохо — как, например, плохо у нас обстоит дело с комсомольской тематикой, на что справедливо нам указывают комсомольские работники и комсомольская печать — и в чем с ними всегда соглашались работники и организации РАПП.

Писатели-классики гораздо больше, чем большинство наших пролетарских писателей, стояли на уровне идей своего класса, куда более важные для их класса вопросы ставили, куда более умело осуществляли влияние их класса на массы читателей, куда более соответствующую форму выражения своих идей они вырабатали, куда более глубоко и развернуто служили они практике своего класса — в том числе и тогда, когда пропагандировали святое искусство, независимость от политики, чистую красоту, бескорыстную ничем утилитарным. Роль литературы и искусства у нас не снижается по сравнению с местом искусства в буржуазном обществе. Искусство у нас уже расцветает — и расцветает, как нигде и никогда раньше в человеческой истории. Поэтому наши требования к пролетарским писателям не снижаются, а повышаются по сравнению с тем, как классики отвечали на требования своего класса (или, точнее, своих классов).

Тов. С. Медведев, продолжая «интерпретацию» т. С. М., пишет: «По уровню мировоззрения пролетарский писатель стоит неизмеримо выше классиков. Если у Толстого были элементы стихийного материализма, то пролетарский писатель являет собой сторонника диалектического материализма. И здесь соревноваться с классиком или догонять и перегонять их нечего. Учиться же у них литературному мастерству, технике — надо. Надо и превзойти технику классиков. Об этом и было сказано в статье «Старые и новые лозунги».

Известно из приведенной в начале первой цитаты, что не об этом было сказано в статье т. С. М. Но поверим т. С. Медведеву, что именно об этом хотел написать т. С. М.

Все очень просто — «по уровню мировоззрения пролетарский писатель стоит неизмеримо выше классиков». Это как раз та простота, которая граничит с воровством. Что понимает тов. Медведев под уровнем мировоззрения? И можно ли мерить уровень мировоззрения Пушкина и Овалова или Гете и Жарова тем, что Пушкин и Гете не знали марксистской теории классовой борьбы, а Овалов и Жаров ее более или менее знают, тем, что Пушкин и Гете не участвовали в стройке социализма, а Овалов и Жаров в ней участвуют, тем, что Пушкин и Гете не были пролетарскими революционерами и членами большевистской партии, а Овалов и Жаров ими являются? Не правильнее ли уровень мировоззрения определять сравнением уровня Гете и такого идеолога прусской государственности, как Гегель, Пушкина и декабристов, с одной стороны, и Овалова—Жарова (фамилии можно заменить, эти взяты только к примеру) и вождей большевизма, с другой стороны? Не правильнее ли к характеристике уровня мировоззрения подходить, сравнивая Гете с рядовым немецким борцом его времени и Жарова—Овалова с рядовым рабочим-ударником или партийным работником? И не ясно ли, что тов. Медведев путает уровень мировоззрения с качеством мировоззрения, ибо понятие об уровне предполагает собою понятие о разработанности, о разлитости, о степени овладения таким-то качественно определенным мировоззрением. Пролетарское мировоззрение «неизмеримо выше» мировоззрения буржуазного. Но пролетарским мировоззрением можно владеть по-настоящему, глубоко и сознательно, а можно владеть им неглубоко, поверхностно, внешне. Гете и Пушкин по-настоящему владели мировоззрением своего класса. Овалов и Жаров (Фадеев и Панферов, Кирпотин и Безыменский, Караваева и Афиногенов, Горбунов и Либединский и т. д.) владеют мировоззрением своего класса в разной мере недостаточно — одни больше, другие меньше, но все недостаточно. Конечно, Фадеев и Небах отличны даже качественно, но сравните-ка их — нас всех! — уровень с уровнем М. Горького. В этом суть дела. И естественно, что поскольку именно это суть дела — ее не понимает тов. С. Медведев.

«Пролетарский писатель заявляет себя сознательным сторонником диалектического материализма, в то время как у Толстого были элементы стихийного материализма». Заявляют себя пролетарские писатели сознательными сторонниками и т. д.? Да, заявляют — любой и каждый. Тов. Медведев это констатирует с удовлетворением, и все дело него лено и просто. Речь идет теперь, дескать, только о литературном мастерстве, т. е. о технике классиков, но в области мировоззрения мы с классиками не соревнуемся. Здесь, опять-таки, день ошибок. В основе ее лежит формалистическое представление о литературной технике. Мастерство, то-есть, техника, — это одно из важнейших положений воинствующего буржуазного течения, именуемого формализмом. Это положение живо в свой кровный и лефовцы, родственники литтфронта по линии творческих лозунгов. Дескать, суть дела не в мировоззрении, мировоззрение нам дано классом, писателями которого мы являемся, он дает заказ, наше дело его выполнить, как его выполнить, литературная техника — вот, дескать, суть дела для писателя. Это довольно стройное рассуждение. Дедедологизация литературного мастерства, рассмотрение литературного мастерства отрезано от вопроса об мировоззрении и уровне этого мировоззрения, сведение литературного мастерства к технике, к приемам оформления материала — такова центральная антимарксистская мысль этого стройного рассуждения. Из этой же мысли исходит и тов. Медведев в своих рассуждениях, отнюдь не представляющих собой, однако, системы стройной и привлекательной.

В литературном мастерстве классиков ничего не понять тому, кто вместо изучения их творческого метода будет разыскивать их технику. Учиться у классиков следует тому, как вырабатывали они свои творческие методы — т. е. тому, как умело и умно, последовательно и талантливо реализовывали они в художественной практике мировоззрение своих классов, создавая соответствующие этому мировоззрению формы его художественного выражения.

Разное мировоззрение — разные творческие методы. Разные подходы к действительности — разные системы ее осмысливания и художественной обработки, разные критерии оценки литературного прошлого, разная литературная учеба, разная «литературная техника», — вплоть до разного отношения к слову и разного обращения с ним. Не существовало и не существует никакого универсального и единого творческого метода — творческий метод писателя классово обусловлен и историчен, а свою очередь обусловливает определенную литературную технику.

Говорить об учебе литературному мастерству, т. е. технике классиков без постоянных указаний на идеологический характер «литературной техники» — значит толкать молодежь по пути формалистского перерождения (по которому идут некоторые из молодых писателей), значит классово разоружать молодые пролетарские кадры, которые должны практически учиться у классиков буржуазной и дворянской литературы. Пролетарские писатели должны создать и начали создавать новый литературный стиль. Они вырабатывают — еще только начинают вырабатывать — новый творческий метод, метод диалектического материализма в художестве, новые формы выражения нового мировоззрения, — руководствуясь новыми представлениями о художественном. Они подходят к истории литературы не как к процессу непрерывного количественного развития литературной техники, но как к процессу смены и борьбы классовых литературных стилей. Рассматривая свою деятельность как этап истории литературы, пролетарские писатели понимают, что этапом в истории литературы они будут именно при условии совершения ими качественного скачка в литературной истории.

Последуй они советам тов. С. Медведева — и не войдут они в историю, а сгинут они в истории, в печальную историю неудач на пути культурного формалистского социологизма.

Именно потому, что к литературному мастерству классиков мы подходим идеологически, мы можем очень многому у них научиться, не подменяя критическое наследование ученическим усвоением их техники и некритическим подражанием их мастерству. Мы не отрицаем преемственности в истории литературы, — мы знаем, что человечество идет по пути познания объективной истины, — но мы знаем также, что формой нашей преемственности является революционное, пролетарское, ленинское отношение к наследию и опыту прошлого.

Потому «элементы стихийного материализма у Толстого» оцениваются нами то с плюсом (десять, — наши Овалов и Жаров уже «заявляют» себя сознательными сторонниками диалектического материализма!) Сторонниками-то себя заявляют, как отмечалось уже выше, любой и каждый, но насколько эти сторонники сознательны, насколько эта их сознательность сказывается в художественном творчестве, насколько органически реализуются в их произведениях основные идеи пролетариата, под руководством большевистской партии строящего социализм? Это, опять-таки, суть дела, суть вопроса об уровне мировоззрения и, следовательно, суть ошибок тов. С. М. и С. Медведева.

Раньше стояла задача «подняться» до уровня — теперь стоит задача «перезойти». Это — изящное непонимание того этапа пути к гегемонии, на котором находится пролетарская литература. Это — комическая переоценка уровня пролетарской литературы. Это — «теоретическое» обоснование и оправдание малокультурности и нежелания учиться тех из наших писателей, которые самодовольно производят себя в своих друзей в классиков пролетарской литературы. Все это — невежественная и антикультурная болтовня, левацкая и обывательская болтовня, претенциозная и развращающая болтовня[1].

[1] Тов. С. Медведев пытался переадресовать нашу критику его рассуждений о классиках тов. Ермилову. Сделал он это довольно распространенным, к сожалению, приемом: из цепи мыслей выхватывая одна цитата, приобретающая смысл иногда даже противоречащий контексту.

Приведем из статьи тов. Ермилова цитату в полном виде: «У отдельных писателей, в отдельных звеньях движения встречается иной раз совершенно неправильное, метафизическое, по сути дела, нетезальское понимание рапповских положений об учебе у классиков, о необходимости для пролетарской литературы стремиться к тому, чтобы превзойти художественный уровень высших образцов классической литературы. Эти положения о своеобразном «соревновании с классиками» по-перевальски вульгаризируются. Иные сходцы трактовать их как некоторую схему для творческой работы пролетарского писателя: пиши и сравнивай — у того «лучше» — у тебя или у Тургенева, у Пушкина, у Толстого, у Шекспира.

Разумеется, сводить к этому рапповский лозунг учебы у классиков означает конкретнейше извращение. Генеральной поверкой всей работы пролетарского писателя является то, в какой мере, с какой полнотой и глубиной его произведения выражают практику класса, строящего социализм. Чем полнее и глубже выражается в художественных произведениях эта практика, тем ближе пролетарский писатель к осуществлению лозунга «догнать и перегнать» классиков, тем ближе пролетарская литература к созданию большого искусства большевизма. И у классиков мы должны учиться прежде всего тем спорам в их творческом методе, которые давали им возможность с наибольшей полнотой и глубиной выражать социальную практику их классов».

Это очень верно — и все это есть до статьи Медведева заранее разобранного. Тов. Медведев, будущие выступления «Догнать и перегнать» классиков, к тому же, самим тов. Ермиловым взято в кавычки — это может дать некритическим и неправильным переносчикам в область литературы положения догнать и перегнать.

О классиках и уровне мировоззрения пролетарских писателей

Тот же тов. С. М., в той же статье пишет следующее: «Если ранее перед пролетарскими писателями стояла задача — подняться до уровня литературного мастерства классиков, то теперь поставлена задача — превзойти классиков» (курсив мой. Л. А.).

Это положение было подвергнуто резкой критике на пленуме правления РАПП. В числе прочего оно было охарактеризовано, как несвежественное и антикультурное. На нашу критику в «Комсомольской правде» ответил тов. С. Медведев, утверждая, что «тов. Авербах приписал ей (статье С. М. — Л. А.) тезис: «догнать и перегнать классиков», тогда как в статье было сказано о том, что перед пролетариями писателями стоит задача не только подняться до уровня литературного мастерства классиков, но и превзойти этот уровень мастерства». Тов. С. Медведев имеет право толковать статью тов. С. М. как ему, Медведеву, угодно. Однако путает интерпретацию (т. е. истолкование) с фальсификацией (т. е. искажением) по большей части именно антикультурный человек, а не просто антикультурный. Сравните обе приведенные цитаты. В первой цитате идет речь о том, что раньше стояла задача подняться до уровня классиков, а теперь поставлена задача превзойти. Это целая точка зрения: мы так коротко, что сменяем раньше стоявшую задачу — догнать, т. е. подняться до уровня, на новую задачу — перегнать, т. е. превзойти. Во второй цитате уже безотносительно к условиям места и времени («раньше» и «теперь») идет речь о задаче не только подняться, но и превзойти.

Здесь, следовательно, уже вовсе нет речи о том, что раньше перед нами стояла задача догнать, т. е. «подняться до уровня» — здесь эта задача продолжает стоять, и таким образом, убеждаемся как раз то, что прежде всего являлось предметом критики на пленуме правления РАПП. Первая формулировка тов. С. М. представляла собой оценку современного уровня пролетарской литературы. Вторая формулировка тов. С. Медведева представляет собою увиливание от ответа на этот вопрос и попытку замазать или убрать тот ответ, который был заключен в первой формулировке. Вместо признания ошибки тов. С. Медведев пытается ее вовсе отрицать. Делает он это приемом, употребляемым отнюдь не несвежественными литераторами, но, наоборот, литераторами грамотными — по части подделок, искажений и сознательного шума, рассчитанного не на обманчивое читателя суть спора, а на обманчивое читателя. С этой точки зрения тов. С. Медведев не несвежественен — то-есть, на деле и по существу, он несвежественен вдвойне.

Нам интересно, однако, не то, как «маневрирует» т. С. Медведев, спасая тов. С. М. Нам интересна показательная, отнюдь не случайная, весьма для некоторых характерная мысль, высказанная тов. С. М. и далее тов. С. Медведевым по вопросу об уровне классиков и об уровне современной пролетарской литературы. Этот вопрос настолько важен и интересен, что им следует специально заняться.

Идет ли пролетарская литература по пути к гегемонии? Безусловно. Значительны ли ее творческие достижения? Несомненно. Осуществляет ли РАПП ведущую роль по отношению к всем другим литературным организациям? Да, все более начинает осуществлять, не только на словах, но и на деле. Но мы еще далеко не преодолели отставания пролетарской литературы от тех требований, которые предъявляются ей сегодняшним этапом пролетарской революции. Наши пролетарские писатели еще далеко не перестроились. Ряд важнейших тем ими или не разрабатывается вовсе или разрабатывается очень плохо — как, например, плохо у нас обстоит дело с комсомольской тематикой, на что справедливо нам указывают комсомольские работники и комсомольская печать — и в чем с ними всегда соглашались работники и организации РАПП.

Писатели-классики гораздо больше, чем большинство наших пролетарских писателей, стояли на уровне идей своего класса, куда более важные для их класса вопросы ставили, куда более умело осуществляли влияние их класса на массы читателей, куда более соответствующую форму выражения своих идей они вырабатали, куда более глубоко и развернуто служили они практике своего класса — в том числе и тогда, когда пропагандировали святое искусство, независимость от политики, чистую красоту, бескорыстную ничем утилитарным. Роль литературы и искусства у нас не снижается по сравнению с местом искусства в буржуазном обществе. Искусство у нас уже расцветает — и расцветает, как нигде и никогда раньше в человеческой истории. Поэтому наши требования к пролетарским писателям не снижаются, а повышаются по сравнению с тем, как классики отвечали на требования своего класса (или, точнее, своих классов).

Тов. С. Медведев, продолжая «интерпретацию» т. С. М., пишет: «По уровню мировоззрения пролетарский писатель стоит неизмеримо выше классиков. Если у Толстого были элементы стихийного материализма, то пролетарский писатель являет собой сторонника диалектического материализма. И здесь соревноваться с классиком или догонять и перегонять их нечего. Учиться же у них литературному мастерству, технике — надо. Надо и превзойти технику классиков. Об этом и было сказано в статье «Старые и новые лозунги».

Известно из приведенной в начале первой цитаты, что не об этом было сказано в статье т. С. М. Но поверим т. С. Медведеву, что именно об этом хотел написать т. С. М.

Все очень просто — «по уровню мировоззрения пролетарский писатель стоит неизмеримо выше классиков». Это как раз та простота, которая граничит с воровством. Что понимает тов. Медведев под уровнем мировоззрения? И можно ли мерить уровень мировоззрения Пушкина и Овалова или Гете и Жарова тем, что Пушкин и Гете не знали марксистской теории классовой борьбы, а Овалов и Жаров ее более или менее знают, тем, что Пушкин и Гете не участвовали в стройке социализма, а Овалов и Жаров в ней участвуют, тем, что Пушкин и Гете не были пролетарскими революционерами и членами большевистской партии, а Овалов и Жаров ими являются? Не правильнее ли уровень мировоззрения определять сравнением уровня Гете и такого идеолога прусской государственности, как Гегель, Пушкина и декабристов, с одной стороны, и Овалова—Жарова (фамилии можно заменить, эти взяты только к примеру) и вождей большевизма, с другой стороны? Не правильнее ли к характеристике уровня мировоззрения подходить, сравнивая Гете с рядовым немецким борцом его времени и Жарова—Овалова с рядовым рабочим-ударником или партийным работником? И не ясно ли, что тов. Медведев путает уровень мировоззрения с качеством мировоззрения, ибо понятие об уровне предполагает собою понятие о разработанности, о разлитости, о степени овладения таким-то качественно определенным мировоззрением. Пролетарское мировоззрение «неизмеримо выше» мировоззрения буржуазного. Но пролетарским мировоззрением можно владеть по-настоящему, глубоко и сознательно, а можно владеть им неглубоко, поверхностно, внешне. Гете и Пушкин по-настоящему владели мировоззрением своего класса. Овалов и Жаров (Фадеев и Панферов, Кирпотин и Безыменский, Караваева и Афиногенов, Горбунов и Либединский и т. д.) владеют мировоззрением своего класса в разной мере недостаточно — одни больше, другие меньше, но все недостаточно. Конечно, Фадеев и Небах отличны даже качественно, но сравните-ка их — нас всех! — уровень с уровнем М. Горького. В этом суть дела. И естественно, что поскольку именно это суть дела — ее не понимает тов. С. Медведев.

«Пролетарский писатель заявляет себя сознательным сторонником диалектического материализма, в то время как у Толстого были элементы стихийного материализма». Заявляют себя пролетарские писатели сознательными сторонниками и т. д.? Да, заявляют — любой и каждый. Тов. Медведев это констатирует с удовлетворением, и все дело него лено и просто. Речь идет теперь, дескать, только о литературном мастерстве, т. е. о технике классиков, но в области мировоззрения мы с классиками не соревнуемся. Здесь, опять-таки, день ошибок. В основе ее лежит формалистическое представление о литературной технике. Мастерство, то-есть, техника, — это одно из важнейших положений воинствующего буржуазного течения, именуемого формализмом. Это положение живо в свой кровный и лефовцы, родственники литтфронта по линии творческих лозунгов. Дескать, суть дела не в мировоззрении, мировоззрение нам дано классом, писателями которого мы являемся, он дает заказ, наше дело его выполнить, как его выполнить, литературная техника — вот, дескать, суть дела для писателя. Это довольно стройное рассуждение. Дедедологизация литературного мастерства, рассмотрение литературного мастерства отрезано от вопроса об мировоззрении и уровне этого мировоззрения, сведение литературного мастерства к технике, к приемам оформления материала — такова центральная антимарксистская мысль этого стройного рассуждения. Из этой же мысли исходит и тов. Медведев в своих рассуждениях, отнюдь не представляющих собой, однако, системы стройной и привлекательной.

В литературном мастерстве классиков ничего не понять тому, кто вместо изучения их творческого метода будет разыскивать их технику. Учиться у классиков следует тому, как вырабатывали они свои творческие методы — т. е. тому, как умело и умно, последовательно и талантливо реализовывали они в художественной практике мировоззрение своих классов, создавая соответствующие этому мировоззрению формы его художественного выражения.

Разное мировоззрение — разные творческие методы. Разные подходы к действительности — разные системы ее осмысливания и художественной обработки, разные критерии оценки литературного прошлого, разная литературная учеба, разная «литературная техника», — вплоть до разного отношения к слову и разного обращения с ним. Не существовало и не существует никакого универсального и единого творческого метода — творческий метод писателя классово обусловлен и историчен, а свою очередь обусловливает определенную литературную технику.

Говорить об учебе литературному мастерству, т. е. технике классиков без постоянных указаний на идеологический характер «литературной техники» — значит толкать молодежь по пути формалистского перерождения (по которому идут некоторые из молодых писателей), значит классово разоружать молодые пролетарские кадры, которые должны практически учиться у классиков буржуазной и дворянской литературы. Пролетарские писатели должны создать и начали создавать новый литературный стиль. Они вырабатывают — еще только начинают вырабатывать — новый творческий метод, метод диалектического материализма в художестве, новые формы выражения нового мировоззрения, — руководствуясь новыми представлениями о художественном. Они подходят к истории литературы не как к процессу непрерывного количественного развития литературной техники, но как к процессу смены и борьбы классовых литературных стилей. Рассматривая свою деятельность как этап истории литературы, пролетарские писатели понимают, что этапом в истории литературы они будут именно при условии совершения ими качественного скачка в литературной истории.

Последуй они советам тов. С. Медведева — и не войдут они в историю, а сгинут они в истории, в печальную историю неудач на пути культурного формалистского социологизма.

Именно потому, что к литературному мастерству классиков мы подходим идеологически, мы можем очень многому у них научиться, не подменяя критическое наследование ученическим усвоением их техники и некритическим подражанием их мастерству. Мы не отрицаем преемственности в истории литературы, — мы знаем, что человечество идет по пути познания объективной истины, — но мы знаем также, что формой нашей преемственности является революционное, пролетарское, ленинское отношение к наследию и опыту прошлого.

Потому «элементы стихийного материализма у Толстого» оцениваются нами то с плюсом (десять, — наши Овалов и Жаров уже «заявляют» себя сознательными сторонниками диалектического материализма!) Сторонниками-то себя заявляют, как отмечалось уже выше, любой и каждый, но насколько эти сторонники сознательны, насколько эта их сознательность сказывается в художественном творчестве, насколько органически реализуются в их произведениях основные идеи пролетариата, под руководством большевистской партии строящего социализм? Это, опять-таки, суть дела, суть вопроса об уровне мировоззрения и, следовательно, суть ошибок тов. С. М. и С. Медведева.

Раньше стояла задача «подняться» до уровня — теперь стоит задача «перезойти». Это — изящное непонимание того этапа пути к гегемонии, на котором находится пролетарская литература. Это — комическая переоценка уровня пролетарской литературы. Это — «теоретическое» обоснование и оправдание малокультурности и нежелания учиться тех из наших писателей, которые самодовольно производят себя в своих друзей в классиков пролетарской литературы. Все это — невежественная и антикультурная болтовня, левацкая и обывательская болтовня, претенциозная и развращающая болтовня[1].

[1] Тов. С. Медведев пытался переадресовать нашу критику его рассуждений о классиках тов. Ермилову. Сделал он это довольно распространенным, к сожалению, приемом: из цепи мыслей выхватывая одна цитата, приобретающая смысл иногда даже противоречащий контексту.

Приведем из статьи тов. Ермилова цитату в полном виде: «У отдельных писателей, в отдельных звеньях движения встречается иной раз совершенно неправильное, метафизическое, по сути дела, нетезальское понимание рапповских положений об учебе у классиков, о необходимости для пролетарской литературы стремиться к тому, чтобы превзойти художественный уровень высших образцов классической литературы. Эти положения о своеобразном «соревновании с классиками» по-перевальски вульгаризируются. Иные сходцы трактовать их как некоторую схему для творческой работы пролетарского писателя: пиши и сравнивай — у того «лучше» — у тебя или у Тургенева, у Пушкина, у Толстого, у Шекспира.

Разумеется, сводить к этому рапповский лозунг учебы у классиков означает конкретнейше извращение. Генеральной поверкой всей работы пролетарского писателя является то, в какой мере, с какой полнотой и глубиной его произведения выражают практику класса, строящего социализм. Чем полнее и глубже выражается в художественных произведениях эта практика, тем ближе пролетарский писатель к осуществлению лозунга «догнать и перегнать» классиков, тем ближе пролетарская литература к созданию большого искусства большевизма. И у классиков мы должны учиться прежде всего тем спорам в их творческом методе, которые давали им возможность с наибольшей полнотой и глубиной выражать социальную практику их классов».

Это очень верно — и все это есть до статьи Медведева заранее разобранного. Тов. Медведев, будущие выступления «Догнать и перегнать» классиков, к тому же, самим тов. Ермиловым взято в кавычки — это может дать некритическим и неправильным переносчикам в область литературы положения догнать и перегнать.

О религиозных предрассудках и смерти как „творческой программе пролетарской литературы“

Тот же т. С. Медведев в статье «Новое в творческой дискуссии», пишет: «Тов. Фадеев пытался найти проблемы «всемирно-исторического значения», в свете которых должна быть решена задача показа героев. Критикуя Стендаля, о мировых целях, питающих подлинное искусство, т. Фадеев выдвинул проблемы нового отношения людей к религии и смерти, в свете которых и должны показываться герои. Конечно, эту задачу можно решать и в свете крушения религиозных предрассудков, и в свете нового понятия о смерти, и нового отношения к ней. Но объявлять эти проблемы творческой программой пролетарской литературы по меньшей мере смешно. С нашей точки зрения было бы гораздо правильнее, если бы т. Фадеев поставил перед собой задачу так, чтобы все проблемы, перечисленные им на пленуме, осветились через непосредственно социалистического строительства».

Очень может быть, что тов. Медведев действительно так понял тов. Фадеева. Это нисколько не удивительно — разбор рассуждений тов. Медведева о классиках уже подготовил нас к спокойному восприятию того, как в кривом зеркале т. Медведева отразилась речь тов. Фадеева. Весьма вероятно, что тов. Медведев излагает так, как он понял, но как мало понял, как исказил то, что удалось ему ухватить, как понимая и опошлил он ту напостовскую точку зрения, которую в своей речи на пленуме излагал тов. Фадеев!

Тов. Медведев не приводит цитат — хотя бы из неправленной стенограммы. Это даже может быть воспринято, как признак наличия у тов. Медведева некоторых элементов самой примитивной литературной культурности. Стенограмма, дескать, неправленная! Но вот, например, тов. Медведев упоминает о цитате из Стендаля, приводившейся тов. Фадеевым. Он, тов. Медведев, не счел для себя обязательным хотя бы проверить положения Стендаля еще раз. Ежели я, дескать, могу по своему изложить живого Фадеева, то почему бы мне не «излежить» покойного Стендаля? Проверим на изложении Стендаля уровень понимания тов. С. Медведева — мы одновременно подойдем к сути некоторых творческих разногласий.

Вот то замечательное место у Стендаля, которое цитировал тов. Фадеев: «Итальянское искусство упало с высоты вовсе не потому, как обычно полагают, что его покинуло «великое дыхание средневековья», что ему недостает гениальных творцов, — это неверно, так как гений всегда живет в среде народа, как искра в кремне, — необходимо лишь стечение обстоятельств, чтобы эта искра вспыхнула на мертвого камня. Исчезнуть оно могло потому, что нет в нем той пылкой мировой концепции, которая толкала на путь творческой работы прежних художников. Детали формы и мелочи сюжета, как бы художественны они ни были, еще не составляют искусства, подобно тому, как идеи, хотя бы и гениальные, еще не дают писателю права на титул, новая или талант. Чтобы им стать, надо свести круг воззрений, который захватил бы в кристаллизовал весь мир современных идей и подчинил бы их одной живой господствующей мысли. Только тогда обладает мыслителем фанатизм идеи, т. е. та живая определенная вера и свое дело, без которой нет в искусстве, ни в науке нет истинной жизни. У старых итальянских художников эта вера была, и потому они были действительными творцами, а не копировщиками, не жалкими подражателями уже отживших образцов. Кроме того, я никогда не отделял художника от мыслителя, как не могу отделять художественной формы от художественной мысли».

Что понял из этой цитаты тов. Медведев?

То, что у Стендаля идет речь о некоих мировых идеях, питающих подлинное искусство, т. е. именно, о тех самых проблемах «всемирно исторического значения», которые поднимал тов. Фадеев и его речи. Не вдумавшись в приведенную выше цитату, тов. Медведев не смог понять, с какой целью тов. Фадеев цитировал Стендаля. За художника мыслителя, против художника копировщика, за художника больших идей в больших обобщений, против художника деталей формы и мелочей сюжета, за художника фанатика идеи, против художника без «широкой мировой концепции», т. е. художников-«идейных отображателей» — вот что подчеркивает цитата из Стендаля, вот что отстаивал в своей речи тов. Фадеев.

Какой смысл вкладываем мы в лозунг «большое искусство большевизма»? Нам нужно большое искусство, нам нужна не бытовщина, не фотосъемка, не поверхностная зарисовка, не сюжетно скрепленные эмпирические наблюдения, — нет, нам нужно искусство глубокого осмысливания, искусство подлинного познания действительности, искусство исключительной воспитательной силы, искусство интеллектуальной и эмоциональной насыщенности, искусство, реализующее кругозор, искусство, сочетающее тревожность с бодростью стремительности, искусство исходящее высокого художественного качества. Нам нужно большое искусство большевизма — не искусство сторонного наблюдения, не искусство пассивной регистрации, не искусство холодного созерцательства, не искусство бесцветнейшее, — нет, нам нужно искусство рабочего класса, искусство социалистического наступления, искусство воинствующего большевизма, искусство партийное вплоть до «деталей формы» и «мелочей сюжета».

Мы хотим, чтобы все «малые» формы, а это великая сила! — были у нас большим искусством. Мы хотим, чтобы художественное произведение на любую тему было бы органически большевистским — выражая, отражая и, в свою очередь, формируя рост нового человека, человека социализма, человека большевистской эпохи.

Некоторые буржуазные газеты изменили за последнее время характер информации о положении в Советском союзе. Раньше было: хозяйственный развал, экономический кризис, голод, холод, — теперь, на первый взгляд, наоборот, — хозяйственный рост, экономический подъем, успехи строительства. Но, при всем этом, одно но, — нельзя, в Советском союзе — новая Америка, своеобразный гольфстрим, пусть даже хозяйственное благополучие, но отнюдь не социалистическое! Выхолащивание или искажение социалистического хозяйственной стройки, извращение или приглушение того качественно нового, что строится и растет в новой стране — вот куда обращают свое главное внимание эти газеты. И разве не могут они перепечатывать у себя (и уже перепечатывают), некоторые из произведений наших писателей, — где — даже при самых лучших и частных коммунистических намерениях — чувствуется ма итой строительства, но недостаточно чувствуется его классовая сущность, где социалистический поход за новую технику обогащается голым (в значит, приспособленным и для буржуазии) техницизмом, где большевизм — только фразеология, или авторское отступление в тексте, идущем рядом своим путем, отличным от фразеологии и не похожим на авторскую вставку?

Задача нашего искусства и заключается в том, чтобы показать это качественно новое, то, что мы называли в период социализма, то, что у нас побеждает коммунистический труд становится содержанием жизни, то, что, перестраивая мир, перестраивает себя миллионы трудящихся. Пролетарское искусство не должно бежать от мучительности, трудности противоречий нашего движения вперед. Оно должно отразить качественно новое не только как результат, но и как процесс — острая борьба за это новое. Оно должно голой схеме, мелкобуржуазной литтфронтовской приспособленческой суетливости противопоставить бесстрашный охват всех сторон действительности, обостренным классовой борьбы, выражаясь словами Ленина, проникновение вглубь, — т. е. показ значительности сложного, значительности созидающегося, значительности качественно нового геологического изменения облика страны и человеческой психики.

У нас некоторые показывают ударников просто, как трудолюбивых и старательных рабочих — вот лодырь и прогульщик, вот он вырабатывает столько то, а вот честный и примерный — он вырабатывает столько-то и даже вот то-то и то-то придумал. Конечно, и это на своем месте — полезно и необходимо. Но разве не является задачей нашего искусства вскрытие того, как рабочий становится ударником, как беспартийный ударник становится большевиком, как молодой большевик становится партийным активистом — как они растут, что в них всего растет, что новое появляется в их отношениях между собой и в их отношении к миру? Этот их рост легко обеднить, упростить и схематизировать. Легко прикрыть этот легкий подход к действительности «левыми» разговорами о массе, массах и массами, «левой» насмешкой над проблемами «всемирно-исторического» значения, «левыми» теориями и лозунгами литтфронта (у которого, кстати, были и иные правые лозунги и теории). Трудно показать все это так, чтобы перед читателем оказалась не «художественная» сводка поверхностного, но реальные живые люди, дело которых художником понято и прочувствовано, которые даны такими, которые запоминаются, образ которых заставляет думать и волноваться, живые и конкретные люди не по правдоподобию деталей и случайных примет, но по их социальному и характерному, живые и конкретные люди, значительные значительностью нового. Об этом говорил тов. Фадеев, приводя как пример отношение человека, нашего человека, пролетария - ударника, — к смерти или к религиозным предрассудкам.

Об этом очень хорошо говорил тов. Киршон: Нам нужно, — говорил он, — чтобы зритель после спектакля не восклицал, что все было, как в жизни, а чтобы зритель говорил: насколько это яснее, серьезнее и глубже, чем поверхностное представление о жизни, насколько спектакль помог мне по-большевистски понять жизнь и бороться за большев

среди книг

создадим „историю гражданской войны“ в художественных документах

литорганизации, реализуйте свои обещания по игв

удачная попытка

В. ЦЫКУНОВ и Н. ЧЕРТОВА. «Огненная земля». Изд. «Федерация». 1931 г. Стр. 235. Ц. 1 р. 70 к.

Книга В. Цыкунова и Н. Чертова является первой попыткой в реализации предложения М. Горького о создании истории гражданской войны.

«Огненная земля»—это записки рядового участника партизанского движения на Алтае т. Цыкунова, литературно обработанные сибирской писательницей Н. Чертовой.

В предисловии к книге Н. Чертова пишет, что рукопись нарывала была отослана в недрах сибирского издатели и что, хотя вид рукописи был необычайно скучен, она «уже со второй-третьей страницы почувствовала неожиданную увлекательность повествования. В тексте, наряду с живыми подробностями и рассуждениями, мелькали страницы, записанные свежо и оригинально, сибирский партизан весь был показан любовно, изнутри, с жесткой товарищеской откровенностью».

Положительная черта записок Цыкунова заключается в том, что он дает партизан с плотью, с кровью, с их настоящими помыслами и делами. Эти записки изобилуют такими деталями, которые не смог бы придумать даже опытный писатель.

Вот например прощание с лошадью, которую автор записок отпускает после разгрома партизанского отряда.

«Ну, пропадай,—сказал я, отпуская Гнедого, столько раз выносившего меня из беды.

Гнедой долго не отходил от меня. Я слышал от него в сторону, и он несколько раз прошел мимо, обнюхивая стог. Затем он поднял голову и пошел по направлению нашей заимки.

Я вылез из своего убежища, весь осыпанный соломой, чтобы еще раз взглянуть на Гнедого, который после минутной остановки дошел дальше, с жадностью хватая зеленую отаву. Я почувствовал себя совершенно одиноким. Мысль о том, что я обрезан теперь на скитания, заставила меня вскочить на ноги. Бессмысленно посмотрев на все стороны, я бросился бежать. Я бежал пустырями, спотыкаясь о кочки...»

Но не в этих живых подробностях ценность записок В. Цыкунова. Автору удалось показать, правда, несколько схематично, те **социальные силы**, которые поднимали крестьянство Сибири на борьбу с колчаковщиной.

Цыкунов — рядовой партизан. В этом смысле он очень типичен,—этот потомственный, почтенный батрак, который через солдатчину, через работу в солдатских комитетах, пришел к большевизму, к большевистскому подполью, к большевистской борьбе с контрреволюцией.

Интересное замечание: до сих пор казалось, что партизанское движение в Сибири было движением крестьянским. Цыкунов своей книгой подчеркивает ошибочность этой точки зрения. Конечно, крестьянские массы составляли партизанские отряды, но организаторами партизанского движения почти всегда были рабочие—большевики-подпольщики.

Среди немногочисленных произведений, посвященных сибирской партизанщине, книга В. Цыкунова и Н. Чертовой дает более или менее правильное представление о героической борьбе за власть советов в Сибири».

М. С.

не пора ли положить конец

СТ. ШИЛОВ—«В Вайгуле Пади». Изд. «Московское т-во писателей». Стр. 225. Ц. 1 р. 60 к. Тир. 5.000.

Большая часть рассказов Ст. Шилова относится по времени действия к гражданской войне. В этих рассказах автор пытался показать крестьянство, его отношение к двум сражающимся сторонам, его участие в партизанском движении. Но Шилов совершенно не удовлетворительно разрабатывает эту сложную и ответственную тему.

Герой рассказов Шилова—**крестьянин**. Однако у Шилова крестьянство—сплошь стихия, звуки гул, подъем (и кулаки?) против белых потому, что они более «злые», чем красные. Эта очень грубая политическая оценка почвенности Шилова в другой, также очень серьезной, ошибке: **к идеализации крестьянства, к смазыванию основных противоречий, заложенных в бедняцких и середняцких массах.**

Вообще у автора все сводится к тому, что белые—«злые», а красные—«добрые».

По этой же причине интеллигентные крестьяне, как только узнают о том, что кто-нибудь жестокость белых, становятся атеистами.

Рассказы «У костра» принадлежат к разряду обычных плохих «охотничьих рассказов». Сюжет рассказа крайне несложен. Несколько охотников проводят ночь у костра, рассказывая разные небылицы. Внезапно выясняется, что это старые безумцы. Они вспоминают о том, как были спасены их жизнь во время гражданской войны в Сибири, благодаря бутылке водки (!). Что этим хотел сказать автор—неизвестно.

Серые образы, сухой, а порой и безграмотный, язык делают книгу крайне скучной и неудобочитаемой.

Автор безобразно коверкает язык. Такие словечки, как «тролеса» (вместо тропа), «значно», «ведрена погода», «хлобыстно» (?) встречаются в огромном количестве на каждой странице. Все герои книги говорят одним и тем же безграмотным языком.

Неумеренное употребление местных словечек делает смысл многих фраз просто не понятным.

Издание книги «В Вайгуле Пади»—одна из многочисленных заплаток в деятельности «Московского товарищества писателей».

ЛЕВ ГЛАДКОВ

рис. К. Елисеева

на литературной улице

литорганизации не выполняют своих обязательств

Редакция «Истории гражданской войны» получила за 1 октября около 600 рукописей от участников гражданской войны. Рассмотрено пока только 100 рукописей. Подавляющее большинство их (около 65 проц.) будет использовано при создании «Истории».

Прошло уже два месяца со дня опубликования постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны». Многочисленные слепы красногвардейцев, красных партизан — участников гражданской войны выделили своих представителей для работы в секретариат редакции «Истории».

Как это на страхе, до сих пор литературные организации не включились еще в эту важнейшую работу. Секретариат ЦС ЛОКАФ почти месяц назад заслушал доклад представителя редакции «ИГВ» и взял на себя ряд обязательств. Однако ни одно из взятых обязательств ЛОКАФ не выполняет.

ФОСП, РАПП и МАПП также не участвуют в работе по созданию «Истории». Ни одна из этих литорганизаций не сочла нужным связаться с редакцией «ИГВ».

три товарища

о книге б. левина „жили два товарища“*

Б. ЛЕВИН — «Жили два товарища». ГИХЛ, 1931 г., цена 1 р. 25 к., стр. 175.

Жили два товарища. Вместе были в гражданской войне. Потом поступили в вуз. Одна на заводе во время производственной практики влюбился в дочь инженера-американца и уехал с ней в Москву. Там она заревала, он за скандал и нечаянное убийство попал в доклад. А за это время другой товарищ, вернувшийся в Москву, сошелся с его женой. Между прочим, вышло что-то вроде дуэли, но потом они помирились. Жизнь новой пары тоже не складывалась. Он был слишком издерганный, неверящий человек. У него все больше и больше подрывала связь с окружающим, вообще усиливалась психоэстения. На чистке его исключили из партии за неустойчивость. Потом уехала жена. Он застрелился. А другой уехал на завод работать.

Вот и вся несложная сюжетная схема повести. **Б. Левина «Жили два товарища».** Повесть написана интересно, занятно. Но она несет на себе печать недостатков метода, в какой-то мере типичных. Все это заставляет отнестись к ней особенно внимательно.

Два основных образа проходят через всю повесть: студент-химик Корчагин и его приятель Дебец. Поэль Аббат—та, которая по очереди была их женой—играет второстепенную роль. Она — что-то вроде психологического реактива. Фон — ряд эпизодических фигур: картины университета, Москвы. В книге—два плана: современный для и дни прошлые, дни гражданской войны.

Несколько даже претенциозная, автор изображает, как в парикмахерской заседующий, оказывается старым знакомым Корчагина, начинает вспоминать об всех днях. И вот первые же эпизоды оживляют, оживляют унылую очередь. Идя полным шагом нижнее и заглядывая жилетов вспоминается, загудел огонь воспоминаний. И фраза «а почему?»—является ключом ключа для всего ряда фигур.

Вся эта расстановка и противопоставление действующих лиц, все эти образы фона говорят, что через нами старая тема столкновения романтики гражданской войны и будней строительства, тема распада и гибели носителя этой романтики, оказывается недостаточно устойчивым в новых отношениях, и следовательно недостаточно крепко связанным с революцией.

Эту тему—с акцентом на разных ее моментах—разрабатывали враг пролетарских писателей. Совсем недавно не только схемная проблема, но и сходные пути ее разработки были даны в повести Митрофанова «Июнь—июль». Такой же контраст в части из тем же линиях двух приятелей. Аналогичная женская фигура. И больше: в той и в другой повести та же полемика лирического романтического темпа, в значительной мере смешающая и мешающая подлинные линии и цвета действительности. Уже в том, какие фамилии дает автор «двум товарищам»—Дебец и Корчагин — начинается их противопоставление. В Дебеце есть элемент экзотики, странности, необычности. Корчагин — проект, обыкновенен. Он сам себя аттестует как «среднего человека». Роман с прекрасной американкой — Поэлы — прошел по его жизни, только потревожив ее течение, но не изменив ее основного направления.

Дебец—фигура уклончивая, полуразложившаяся, политически неустойчивая. Как раскрывает автор ее социально-политическую сущность? И вот тут нет ни грехов, дающих в сумме нормальный результат. Дебец «напивается» в повести в восторженных рассказов о нем Корчагина. Он еще не переступил порога, а романтика, которой его окружил Корчагин, уже звучит. Затем неожиданный контраст. Во время заключения Корчагина в Дочре Дебец сходится с Поэль.

Правда, здесь самый контраст—романтический. Герой, предмет преклонения, вдруг обернулся своим разрушительным, «злодейским» лицом. Но все же Дебец после этих событий (а особенно после неловкой дуэли) начинает обрисовываться как человек «с трещиной».

Уловив эти первые штрихи, с интересом начинаешь ждать, как углубит их автор до существенной социальной характеристики. Может быть Дебец будет показан в своих глубоких социальных связях? Может быть в Корчагину «достанется» от автора за его героизацию Дебеца? Может быть автор покажет, откуда идет эта падкость на внешнюю героику?

Но продолжение повести не оправдывает этих ожиданий. Глава 11 легко и просто разрубается с трудной художественной проблемой. В куче происходит пятнистая чистка. Дебец рассказывает свою автобиографию. Ну и, конечно, оказывается, что дед его по матери помещик-поляк, отец—француз, учитель гимназии, что после смерти отца мать вышла замуж за офицера, что сам Дебец был офицером и т. д. Дело не в том, что эти факты не характерны.

Нет, они объясняют многое, но объясняют, так сказать, за пределами почвы. Это расчет на привычные ассоциации: дворянского происхождения, бывший офицер,—ну, теперь ясно, почему он так неустойчив, почему он уклончивый.

Для художника это бегство от своей прямой задачи: **показать закономерность всего склада и изменения данной личности.**

Ну, а как живет, как ведет себя Дебец в пределах повести, чем оправдывает он авторскую биографическую справку? Если бы нужно было подвести итог всем тем жизням, образным чертам, в каких раскрывается образ Дебеца, то можно только сказать: это больной (у него психоэстения), но столько дурной, сколько несчастный человек, в прошлом помещик-дворянин, кончающий жизнь самоубийством.

Социальные причины и следствия, «социальное наследие» заслоняются бытовыми, биологическими, узко-психологическими связями.

До сих пор мы говорили о частностях. Но здесь можно назвать и то общее, что определяет у Б. Левина эти частности. Это более своеобразная **гуманистическая романтика**, с легким оттенком юмора и сочувствия по отношению к человеческим слабостям, ко всей той путаной дороге, по которой идет человек.

На протяжении от 14 до 19 главы Дебец тоскует, болезненно изнывает по себе и над другими, бессильно порывается куда-то, и, наконец, сомнительно скитуясь, стреляется. В этом промежутке происходит «программный» разговор двух приятелей, в котором каждый излагает свое credo. «Я—романтик революции, — заявляет Дебец: — я пошел бы на смерть за советную власть, за революцию, но рыться в помойных ямах скучно».

Столь же программны и заявления Корчагина: «Я не претендую на какие-то необыкновенные качества... Сейчас нужны обыкновенные нормальные люди». Такие программные мысли вставляет автором не раз. Задача их раскрыть замысел — противопоставление внешней романтики гражданской войны и пафоса созидательной работы. Но, как я уже говорил, это не находит подкрепления в образном развертывании повести. Дебец не углублен, не раскрыт до его политической сущности, не показана закономерность его пути и конца.

Гуманистическая романтика сочетается с объективизмом. Налет объективизма особенно ясно выступает в главе «О чем говорили по дороге в крематории и обратно». Глава смонтирована на отзывах о Дебеце его товарищей и знакомых. «Я же великолепно знал Дебеца. Мне сам как-то рассказывал—он с шестнадцатого года ни разу не отдыхал. Ведь люди же не железные. Мы не умеем беречь людей. Его надо было б немного пощадить, полечить, он мог бы работать. И еще как бы работал». Раздается и другой голос: «Чего молчать. Я знал этого Дебеца. Он всегда над всем иронизировал. У него ничего не было, чтоб дорого. Он казался умней других, а на самом деле это был просто малообразованный человек. Кроме рая от революции, он ничего не воспринял».

Может быть автор хочет, чтобы последние слова звучали, как голос его, авторского, отношения. Может быть он привел противоположный взгляд, чтобы еще раз уже в логической форме показать его ограниченность, несостоятельность, извращенность. Может быть и так. Но сам характер Дебеца, как он нарисован автором, говорит другое. В лучшем случае он для в неясном колебании между сожалением и осуждением.

В образе Корчагина должна быть развернута положительная линия, линия социальной и психологической стойкости. Но здесь в новом круге повторяется прежнее движение. Корчагин тоже насыщен романтикой, и эта романтика автором не разоблачена.

Как разрывается обоих? В первой главе Корчагин уходит через такую подробность. Самая любимая книга Корчагина—**«10 дней, которые потрясли мир»** Джон Рида. Раньше ему нравился Уот Уитмен. С книгой Уитмена **«Листья травы»** он когда-то уехал на германский фронт. Эта смена любимых книг должна изображать собой внутреннюю эволюцию Корчагина. «10 дней» Джон Рида оказывается ступенью к дальнейшей Корчагина с Поэль.

Любовь Корчагина приходит в столкновение с интересами производства, на котором он работает. Тут один из наиболее ярких эпизодов, характерных для мягко-иронической и задумчивой, не нейтральной манеры автора. В дело вмешивается ячейка. Корчагину велят не разрушать движения, отца Поэль, порвать свои отношения с Поэль и уехать. Корчагин упирается. Как отнестись к этому, как дать эту сцену? Автор дает в тонах мягкого юмора. Столкновение его горяченькой горячности влюбленного Корчагина и забавной прямолинейности (так она дана в повести) членов бюро не разрешается автором ни в ту, ни в другую сторону. В конце-концов как будто каждый по-своему прав. Корчагин не сдается и уезжает с Поэль. О постановлении бюро в повести больше не упоминается. Весы качнулись и остановились в равновесии.

Дальше начинается цепь событий—Москва, жизнь с Поэль, скандал, Донр, разлука с Поэль. Ряд сцен показывает Корчагина в общественном окружении, в университетской работе. Но эта его работа только слегка намечена. Корчагин тоскует о Поэль. Корчагин вызывает Дебеца на дуэль, образ Корчагина вплетается во всю сложную ткань университетских взаимоотношений, борьбы за перестройку вуза. Корчагин переливается с места на место, подает рационализ, на него навалывается ряд встреч и разговоров. Но его общественная политика обрисована мало. Кончается все тем, что Корчагин после самоубийства Дебеца едет работать на завод.

Последняя короткая глава показывает Корчагина в вагоне спящим. Поезд уносит его на работу, на химический завод. Эта глава должна свидетельствовать о торжестве положительного, творческого, социалистического начала.

Но вот за романтические мечты, на любовь, на дуэль, на терзания Корчагина автор потратил так много места и красок, а это положительное, творческое дано лишь в виде свисающей с верхней полки и качающейся от движения поезда головы Корчагина. Поезд, крепкий сон—это обещания. Работать Корчагин будет за пределами повести.

Корчагин, как он обрисован в повести, это порывом мятущийся, спотыкающийся, но в общем «добрый малый»—и только. Опять самое интересное заглушено в разговоры в обобщающие рассуждения. А крупным планом показаны вся гуманная и трогательная путаница любви, весенний цвет романтики. Но возможно даже разговоры. Что стоит например Корчагиным и молчаливо приемлемая автором философия «средного человека»? Почему прямо индивидуальность, силу личности так легко уступает автор романтическому лагерю?

Итак, положительная линия оказалась разработанной слабо, схематично. Начало Дебеца оказалось неосвещенным и снутри самого образа Дебеца и в образе Корчагина. Да и борется с ним автор этого. У двух товарищей есть еще третий—сын Бедра Левина, с мягкой иронией, с сожалением и грустью рассказывающий о третьей человеческой жизни, о человеческих слабостях.

Всего интереснее записана Поэль. Собственно образа Поэль и нет в повести. Есть имя, есть метка женщины, лежащий натяну, есть ряд реплик. Поэль—это белая нитка, которой сшиты два товарища. Действительно, представьте себе настоящую американскую девушку, дочь инженера, выходящую замуж за студента-партийца. Сколько тут можно быть своеобразия, необычайных черт в их взаимоотношениях, в быту, в психологии. Ничего этого у Левина нет. Стилизует, это не его тема. Но в Поэль вообще нет ничего индивидуального. Поэль это какой-то романтический фермент. Очень верно, путая две песни, поет Дебец: «Маруся, ты, Маруся, чужая сторона». Поэль это действительно «чужая сторона», это дым, зной, струна в тумане». Романтический призвук лирический дым, подчеркивает в этом образе бытовой и психологический материал.

Очень большое место занимает в повести фон. В этом фоне разрозненно и пренебрежительно звучат те же основные мотивы, что и в главных фигурах повести. Автор почти кажется здесь единым целым. Он разорвет свою записную книжку или свою память, набросает беглую обрисованных эпизодов и лиц.

Некоторые итоги. Гуманистическая романтика—вот основной порок художественного метода Б. Левина. Классовая характеристика дана сухо, бесцветно, скорее в художественных примечаниях, чем в художественном тексте. Внимание автора сосредоточено на столкновениях и столкновениях бытовых и психологических, не углубленных и достаточной мере до связей и столкновений классовых. Психологический узор заслоняет социальный остров. Романтика не разоблачена до конца. У автора нет подлинной партийности в стилистике в его разоблачения. Он скорее сочувствует и жалеет, чем ненавидит. Отсюда и все движение образов дано не как самодвижение, не как обусловленное социальной логикой объективное развитие их, а через абстрактно выраженные контрастные романтические эпизоды и черты. Отсюда и тон мягкой иронии и гуманистического сочувствия, пронизывающий всю повесть.

И. ВИНОГРАДОВ

обложка книги б. левина с портретом автора

*В порядке обсуждения.

признаки перелома

АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ—«Далекие сестры». Рассказы. «Федерация». 1931. Стр. 115, тираж 5.200. Ц. 75 к.

Не так давно (5 июля т. г.), в «Литгазете» получила заслуженную оценку книжка стихов Чачикова за период 1918—1926 г. («Тысяча строк»), в которой сбивающийся на поэзиях автор преобразил Восток «по буржуазным поэтическим каналам как страну любви, роскошных пейзажей и экзотики». «Самый факт печатания в 1931 г. стихов с 5—13-летней давностью» и притом «не имеющих ни политического, ни художественного значения» «Литгазета» прямо квалифицировала как проявление гомосятства.

Рассматриваемая в настоящей рецензии новая книжка Чачикова представляет собой следующий этап его творчества—1927—1928 г. Она содержит четыре небольших рассказа: «Зеленый гребешок», «Коричневый бунт», «Страшнее смерти» и «Дауда». Эта книжка говорит о некоторых положительных сдвигах в творчестве писателя, его идейном и творческом росте.

Тематика Чачикова в общем осталась прежняя—Восток,—но изменился его многом подход к теме.

В первых двух рассказах («Зеленый гребешок» и «Коричневый бунт») автор прибегает еще к очень простому способу расстановки своих героев. На одну сторону положительные—угнетаемые рабочие и крестьяне, по другую—отрицательные—угнетатели—хозяева колоний, сарпейцы, главным образом англичане. Автор не умеет еще показать своих героев в развитии, в движении.

Художественные средства Чачикова в этих рассказах еще слабы. Характеристики даны поверхностные, посредством внешних приемов.

Революционеров-туземцев, их революционные порывы и боевую готовность к борьбе автор характеризует иной раз набором громких слов, воспринимаемых механически, но художественно не впечатляющих. Язык действующих лиц скорее язык самого автора. Этим, а также отсутствием колоритности, в равной мере страдают все четыре рассказа.

Для всей же книжки характерно, что угнетатели—англичане и голландцы, изменяющие нации и из бутылкой виски похваляются обольщением туземных девушек. Портрет европейца в колониях: клаксон, трубка в зубах, стек в руке, шлем, трубка в зубах—приложит руку к шлему, англичанин-надсмотрщик бывает смотреть вышивающихся девушек («попрыгал стеком»).

Но если изображение эксплоататоров осталось неизменным на всем протяжении книжки А. Чачикова, то характеристики основного ее героя—революционирующейся женщины Востока—в других двух рассказах—«Дауда» и «Страшнее смерти» (1928 г.), показывают, что автор идет вперед. Он пытается дать развернутую картину жизни и развития женщины, ее вовлечение в сферу революционного движения и формирование работницы и революционерки.

Так, в рассказе «Страшнее смерти» показано как 13-летняя бухарская девочка Зайнет прошла через социальное и бытовое угнетение, через гарем, подполье, выросла в сильную и мужественную женщину-большевичку, командира Красной армии.

В этом рассказе есть определенно художественно убедительные и даже захватывающие места (например глава: «Фронт против фронта»).

В заключение, о неправильности автора: на 5 странице написано «бутылочные тыквы», в то время когда бывают наоборот: тыквенные бутылки. На стр. 79—примечание: «Эмир—наместник царя в Бухаре», хотя на самом деле эмир, записанный от русского царя, не был его наместником, а был сам царем.

Впрочем, это легко устранимые недостатки.

Главное же, автор обнаруживает несомненное улучшение в своем творчестве.

С. Н.

неиспользованные возможности

ПАВЕЛ ДАЛЕЦКИЙ. «Тихоокеанский форпост». ГИХЛ. 1931. Стр. 118. Тираж 5.000. Ц. 70 к.

«Тихоокеанский форпост» «зыкнан» П. Далецким тщательно, в нем хорошо распланирована материал, язык прост и легко доходит до читателя. Изложение событий—сжато и точно, как того и требует очерк. Но очерк, как бы хорошо стилистически он сделан не был, теряет свое значение, если не заостряет темы предельно, не мобилизует все внимание читателя на основных рычагах общественно-политических явлений.

«Я шел, и к моим думам о Китайской революции примешивались мысли о Владивостоке, о красоте его заливов и бухт»... Эти «мысли о красоте» приливают у автора ко всем думам и лишают его книгу той значимости, которую она должна была бы иметь.

Ни одна из эпизодов автор не сумел поднять на принципиальную и политическую высоту, не вскрыл его внутренние пружины, не показал, каков своего представляет он собой в общем плане социальных взаимоотношений и расстановке классовых сил.

Советский работник открывает новый путь для добычи золота. Кому приходится предпринять сколько лет волокиты и бюрократизма. Но это набросано легкими изящными мазками пастели.

По советской земле, в таежной чаще, вооруженными магическими амулетами, ходят старик, искатель чудодейственного корня женьшень. Старик бежал из Китая, он продает свое дело только советской кооперации, а сын у него коммунист. Почему же он подал в стиле пасторали? И где его место среди борющегося китайского народа?

С японского парохода сбежали двое японских рабочих. Что именно, кроме сытой жизни, заставило их остаться в Совке? И сумела английский лейтенант Расписте, отсидев девять месяцев в советском исправдоме, остался работать у большевиков? Посвящая целую главу борьбе кеты, он не говорит о борьбе и классовых жителей тундры, побережья, моря.

Вот почему «Тихоокеанский форпост», несмотря на прекрасный материал, скользит только по верхам жизни восточного побережья.

С. К.

в тупике

Г. СОРОКИН.—«Примечание к судьбе». Изд. писателей в Ленинграде. Стр. 100. Ц. 1 р. 60 к. в пер. Основной рассказ в сборнике «Угол падения».

«Угол падения»—непрерывный ряд бед и несчастий некоего интеллигента Болотова.

Начало рассказа сразу должно показать первый этап падения, ту разлагающую атмосферу, в которой протекают гимназические годы героя.

Исключенный из гимназии Болотов попадает на фронт и в плен. Обстановка плена изображена лишь со стороны физиологических переживаний—деморализации побоев и надругательств немцев над пленными. Через всю страдания героя автор высказывает свое возмущение грубостью и жестокостью немцев, насколько не пытаясь проникнуть в социальный смысл войны.

В дальнейшем, абстрагируя героя от каких-бы то ни было общественных проблем, т. Сорокин пытается возвеличить его и противопоставить окружающему миру, как личность, наделенную особыми душевными качествами.

«Падение» Болотова продолжается и после окончания войны.

«За годы войн, гражданских метаний, и университетские времена я стал иным, т. е. непросто ждал, а не всякал. Чего—не знаю». «Несоответствие во мне какое-то, чувства как будто призовой лошади, а ноги—цинцинка»...

Эти слова, указывающие на сложность переживаний Болотова, как будто обязывают автора выявить и показать социальную психологию своего героя; однако они остаются лишь пустой фразеологией, не подтвержденной ни образами, ни действиями, ни даже внешним описанием каких-либо событий.

Но довольствуясь утверждением субъективизма героя, автор еще усугубляет его конфликт с действительностью, подчеркиванием фатальистических настроений.

Подсчитав номера трамваев, пролеток т. д. Болотов «успокоенный любимой цифрой», отправляется с рукописью в редакцию издательства, где его произведение подвергается беспринципной критике. Заставляя своего героя перенесть дальнейшие неприятности («Он собирал мусор с лестниц»), автор подводит все к последнему эпизоду, его жизни.

Здесь полностью раскрывается идеологика произведения. Показывая крушение жизненного пути Болотова, автор, акцентирует на тем моменте, что и социальная атмосфера советской России так же губительна для чуткой натуры интеллигента, как «лига любви», немецкий плен и т. д. «Болотов понял, что она во власти не железа и большого веса, а в распоряжении начальника и начхоза Маркера, крадущего электрическую арматуру». Случайные неполадки в советском учреждении возводятся в общие закономерно-отрицательные причины, влияющие на мироощущение Болотова.

Последним, решающим фактом, приводящим Болотова к самоубийству, является доведение интеллектуала учреждения, где он служит. Совершенно отрицающий от общественности, от проблем социалистического строительства, Болотов именно поэтому начинает ощущать политический смысл окружающей его обстановки над изнанием выступлений лаборанта на собрании. Но его «перерождение» неожиданно прерывается репликой: «Товарищи, я сейчас скажу о чтических ошибках. Прошу беспарторгных удалиться».

Совершенно неправдоподобный повод для удаления беспартийных с собрания использован автором как «эффект», позволяющий подчеркнуть грубую насмешку партколлектива над высокими чувствами героя. И этот случайный факт становится для автора закономерным в ряде причин гибели Болотова. Так, скользя по поверхности событий, скорбя вместе с героем после его неудач, автор не заметил одного «пустячка»—конкретную действительность, в которой таятся бесчисленные возможности для действительного перерождения Болотовых.

Осудив именно эту **конкретную действительность**, а не своего злополучного героя, автор доказал **реакционность своего творческого метода**, вылившегося выражением художественного сознания худшей части, узколобо настроенной мелкобуржуазной интеллигенции, до сих пор не осознавшей задач современности и поэтому не сумевшей найти в ней свое место.

Остальные рассказы крайне поверхностны, местами сладко-сентиментальны и ничего нового не дают для характеристики творческого лица автора.

А. КОТЛЯР

л. авербах

из рапповского дневника—окончание

Много оттенков среди явных и скрытых ликвидаторов. К кому из них отнести тов. Медведева? Чувствуя большое пристрастие к таким всемирно историческим вопросам, как смерть и религиозные предрассудки, я не берусь дать ответ на эту более «животрепещущую» проблему, то то, что ликвидаторы — за Медведева и против большевиков, бесспорно во всяком случае[1].

[1] Я не разбираю всего того, что следовало бы разобрать в статьях тов. Медведева. Укажу только на конечную антикультурность разбора творческих лозунгов РАПП совершенно оторванно от творческой практики пролетарских писателей. Сознал ли, т. Медведев что-либо о доброжелательстве? Впрочем, весьма вероятно, что он слышал...

Тов. Медведев попытался высказать какие-то мысли и о «срывании масок». В чем существо этого лозунга? Оно правильно раскрыто в постановлении секретариата РАПП о речи т. Сталина и задачах пролетарской литературы.

«Ленинская характеристика творчества Толстого, «срывание всех и всяческих масок» имеет громадное значение для писателей, разрабатывающих вопросы своего художественного метода. В противовес курсу на лакировку действительности и ее мелкобуржуазное приукрашивание, вытекающее из недоверия к пролетарской действительности, лозунг «срывания всех и всяческих масок» сохраняет значение в плане большевистского познания нашей действительности, осуществления социализма, действительности большевистской практики, не нуждающейся ни в каких масках и не набрасывающей их на себя, действительности пролетарской революции, требующей от своих художников максимального проникновения в процесс, переделки мира со всеми противоречиями и трудностями этого процесса. Указания Ленина на «срывание всех и всяческих масок» подчеркивает диалектическую сторону нашего художественного метода, направляясь против любой разновидности классового врага и его влияний. «С каких пор большевики стали бояться правды», — этот призыв т. Сталина в борьбе с оппортунистической лакировкой раскрывает тот смысл, который пропетарским литературным движением должен выдвигаться в ленинское выражение о «срывании всех и всяческих масок».

Следует указать, что т. Юдин, выступая на пленуме РАПП от имени ОВМД, заявил о правильности этой формулировки и согласии с ней. Мы рады возможности отметить это.

стоило ли медведева брать всерьез?

Еще в резолюции 1925 г. партия указывала пролетарским писателям на опасность зазнаваться. Против капитулянства и против комчванства — мобилизовал пролетарских писателей центральный комитет.

Эта директива сохраняет все свое значение и сегодня.

Разбор статей Медведева — борьба против комчванства, против самодовольного успокоения на достигнутом, против навязчивой похвальбы нашим уровнем, против антикультурного похлопывания по плечу классиков, против превращения РАПП из живой, массовой, идейно-воспитательной организации в административное управление по литературным делам, против рецидивов литфронтовщины.

В пролетарское литературное движение пришли тысячи рабочих-ударников. Они сталкиваются — и еще столкнутся—с величайшими трудностями. Они все более понимают, что литературная работа — дело крайне сложное, требующее специфических способностей и большой культуры. Они учатся и хотят учиться. Но и в их среде — особенно среди молодежи, побывавшей на фабрике или заводе всего один—другой год — есть люди, отнюдь не расположенные к упорному труду, к систематическому самообразованию, к длительной большевистской учебе. Для них статья Медведева — программный документ. Именно поэтому медведевские решения должны быть отброшены пролетарским литературным движением.

Медведевские ошибки связаны с опасностями нового этапа. В этом отношении того, что мы отнеслись к Медведеву всерьез.

P. S. Эта статья была направлена мною в «Комсомольскую правду». Я рассчитывал на то, что и. о. комсомола достаточно заинтересован в развертывании творческой дискуссии. Тов. Тронского, к сожалению, нет в Москве. Его заместитель, тов. Бубекин, заявил мне об отказе в печатании статьи. Мотивировка? Слишком велика! Ладно, думаю я, ну, конечно, все дело в размерах — и я предлагаю т. Бубекину напечатать только две первые главки статьи. Это не вызывает у тов. Бубекина ни самодовольного удовлетворения, и, в результате, он оказывается принужденным заявить, что статья отклоняется вследствие несогласия с ней редакции.

После того как «К. П.» отклонила мою статью, ознакомились с ней, тов. С. Медведев в номере «К. П.» от 7 октября начинает письмо в редакцию с признанием ошибочности теории «единственного» проводника. Разумеется, т. С. Медведев на словом не упоминает о том, что его побудило или, точнее, что его заставило признать эту теорию ошибочной.

Но, в статье, характеризовали взгляды тов. Медведева, тов. Медведев пишем в редакцию «К. П.» счел необходимым дать читателям дополнительный материал для характеристики своего **морального уровня**. Выяснилось, что проблема эта хотя и «животрепещущая», но весьма грустная, безотрадная и непривлекательная.

Однако, исправляя свою ошибку, т. Медведев успешно продолжает линию непонимания **сути дела и сути нашей критики** его статей. С. Медведев не понимает, что его теория «единственного» проводника неразрывно связана со **всеми** его утверждениями по **всем** вопросам.

Краткое изложение речи т. Косырева на пленуме ЦК ВЛКСМ свидетельствует о продолжающемся увеличении внимания комсомола к вопросам художественной литературы. **У комсомола и РАПП не может быть сколько-нибудь серьезных разногласий.** И комсомол, и РАПП должны проводить в литературу **партийную линию. Усиление и укрепление** связи комсомола с РАПП (и ВОАПП в целом) — условие успешного проведения партийной линии. Мы уверены, что ничего общего с точной зрения комсомола не имеют разговоры по такой схеме: большинство призванных в литературу ударников — **комсомольцы**, РАПП и его руководство тут не причем, руководить этими ударниками должен сам, и один комсомол, сам и один без РАПП (или МАПП, например), собирая ударников и давая им литературную линию и т. д.

ВОАПП без комсомола не может справиться и не должен пробовать справиться с делом призыва ударников и борьбой за партийную линию в области литературы. Думается, что, разоблачая Медведева, мы способствуем скорейшему, не только декларативному, но и практическому усилению сработанности комсомола с пролетарским литературным движением.

С. Н.

покажите лицо гибнущего капитализма

покажите победоносное социалистическое строительство

Секретариат МОРП обратился с воззванием ко всем пролетарским и революционным писателям мира, ко всей творческой интеллигенции, в которой призывает их принять участие в издающейся МОРП к 1 января 1932 г.—началу четвертого и последнего года пятилетки—специальной газете-однодневке на немецком и русском языках: «Капиталистический кризис и социалистическое строительство». В этой газете на конкретном художественном материале (должно быть сделано противопоставление гибнущего капитализма и строительства социализма, должна быть отражена эта грандиозная картина нашего времени».

«В противовес глубокому, небывалому в истории кризису, охватившему все страны капитализма,—говорится в воззвании, — в противовес капиталистической системе, опирающейся на обнищание и рабство трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, в СССР мы видим под'ем во всех областях человеческого творчества, который не имеет себе равного в истории».

Пролетарские революционные писатели должны все это художественно показать широчайшим трудящимся массам СССР и всего мира. Осуществление писателями капиталистических стран задач разоблачения и показа искаженного кризисом истинного лица капитализма, а писателями, живущими в СССР, героического строительства социализма,—будет в числе прочего наилучшим средством борьбы, против опасности интервенции, против готовящегося нападения на СССР.

Все революционные писатели, художники-интеллигенты, живущие как в Советском союзе, так и капиталистических странах, должны принять деятельное участие в выпуске газеты-однодневки МОРП.

Все материалы должны быть присланы к 16 НОЯБРЯ 1931 года в Международное об'единение революционных писателей: МОСКВА, ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 850.

Театр

что же дальше?

о премьере в малом театре „ясный лог“

рис. в. настомолоцкого

Березовый — арт. ольховский

Рожденная с большими затруднениями постановка Малого театра «Ясный лог» С. Третьякова снова заставляет задуматься над дальнейшими путями этого театра, располагающего великолепным актерским материалом.

Драматург К. Тренев не сумел провести диалектику классовой борьбы в обстановке решительного наступления социалистических элементов в деревне. Это привело к поверхностному, а потому неправильному показу классовой борьбы, к утверждению стихийной мести над организованным, сознательным, в конечном политическом перевесом, к разработке случайной ситуации совершенно не характерной для условий второй большевистской весны (1931 г.)

Поставленная пьеса «Ясный лог» осуждена в резолюции ЦК ВКП(б), которое настоятельно исправляет ошибку драматурга, а наиболее не усугубляет недостатки, данные ей начальственно-руководящие указания.

Сюжетная схема «Ясного лога» не новая и уже достаточно использована в современной литературе.

Исходные деревни делятся на два лагеря: единоличников и тех, кто ранее организовался в колхоз. «Ясный лог» располагает лучшей землей, в нем сильная кулацко-зажиточная прослойка. Кулацким элементам не хочется упускать из своих рук жирную землю, свое экономическое влияние, живой и мертвый инвентарь. Классовый враг хитер и упорен. Он ложным маневром полуовладевает частью бедняков «Ясного лога», подсылает свою агентуру в стан противника, через «своих» он влияет на все дела сельсовета и фактически олицетворяет «советскую власть» в лице секретаря сельсовета Федора. Силен кулак в «Ясном логе», силен своей хитростью, опытом, силен глупостью сельсоветчиков и добродушием колхозников. И неизвестно, что бы произошло во «вторую большевистскую весну», если бы не бедняк Жолудь, раскрывший происки врагов колхоза. Хитрый был бедняк Жолудь,—все считали его придурковатым, принижением своей собственной жизнью, и вот на проверку вышло иначе. Всех провел дядя Жолудь. Где лукавством, где придурковатостью, а где простой «случайностью» бедняк Жолудь сумел вникнуть в хитроумный план врагов колхоза.

Жолудь является «ведущей осью» в развитии пьесы. Однако его общественная роль до последней картины неясна, лишь в самом финале автор узнает, какое значение имел этот проныра-бедняк для судьбы колхоза. Но автор, надеясь разоблачениями обманностями бедняка Жолудя, тем самым снет всю ситуацию пьесы к случайному моменту,—а что стало бы с колхозом, если не Жолудь? Страшно подумать.

Перейдем к рассмотрению социальных групп «Ясного лога». **Колхозники** в большом обрисованы со стороны наличия в них элементов стяжательства, индивидуализма.

И хотя действие происходит в 1931 году (история большевистской весны) для колхозников совершенно незаметным прошел опыт первой большевистской весны. За это время они почему-то научились, в них попрежнему сильны инстинкты индивидуализма, стяжательства.

Совершенно не ясно обрисована группа середняков, она растворяется среди колхозников и единоличников.

Роль партии переоценена «организатору» бывшего Керу. Но «организаторская» роль Кеера таким образом сведена к заступлению в сельсовет и к агитации Павлыка бросить своего кулака-зажиточного сержанта Корнея. Совершенно не ясно, что делает комсомольская ячейка, хотя в пьесе о ней несколько раз упоминается.

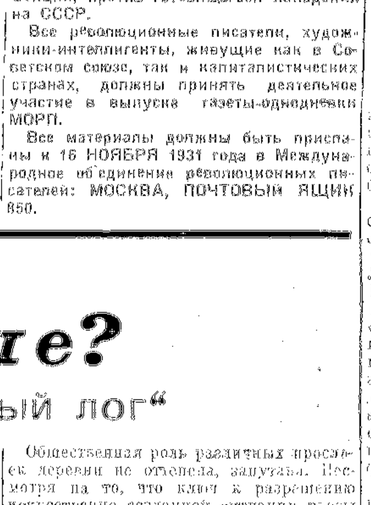
Общественная роль различных прослоек деревни не отмечена, запутана. Несмотря на то, что ключ к разрешению искусственно созданной ситуации пьесы находится в руках Жолудя, несмотря на внесение в пьесу элементов детектива, настоящего сценического действия в пьесе нет. Все дело сведено к сильным разговорам. Разговаривают все, и все говорят много лишнего, ненужного, затягивающего действие.

В пьесе нет крепкого стержня, развитию действия замедлено.

Таковы и основные недостатки этой пьесы. Единственно, что героя спасает пьесу—это отличительный язык диалога, и хорошо разработанные отдельные бытовые сцены.

В постановке немало грубых промахов. Наиболее крупные в сцене с «психологическим» разоблачением Березовского во время молебна кулака Грача. Действие протекает в двух планах: на колхозном дворе и в церкви. Когда дьяконом произносится имя Цуды, Березовой завизжал подобно библейскому Мефистофелю. Пошло и достаточно пошло!

рис. в. настомолоцкого



Жолудь — арт. ст. пужницын

И несмотря на все отмеченные трудности пьесы и недостатки режиссерской работы актерский коллектив мастерски справляется с положением.

В Малый театр—советская драматургия должна дать лучшие свои образцы.

ЗАЛЕССКИЙ

„закал“ осудил теорию „двух струй“ в пролетарской литературе, но полной ясности

в позиции „закала“ еще нет

за большевистскую напостовскую линию рапп

Заслуга сообщение т. Громова об этапах пленума РАПП, творческая напостовская группа «ЛАПП — «Закал» приветствует решение пленума и в своей повседневной работе и в творчестве будет проводить их в жизнь.

Группа решительно осуждает теорию о «двух струях» в развитии пролетарской литературы, выдвинутую т. Селивановским в журнале «На литпосту» № 15—16, стр. 61, в статье «Брунжа» Панферова», и членом нашей творческой группировки т. Вороновым в вечерней «Красной газете». Теория эта вредна, ибо примитивно ставит вопрос о развитии пролетарской литературы, смазывает всю глубину и сложность овладения методом диалектического материализма и обходит сторонкой ряд вопросов, в частности опасность вульгаризаторского полутянчества, рецидивов лит-фронта и т. д.

Данная теория «двух струй», взятая в таком разрезе, как у т. Селивановского и т. Воронова, имеет тенденции сползания к творческим установкам «Лит-фронта».

Не видная с себя ответственности за выступление т. Воронова как члена данной творческой группировки, мы считаем необходимым заявить, что данная творческая группировка всегда была против теории «двух струй» и в своих выступлениях члены группы, критикуя эту теорию, совершенно ясно и недвусмысленно присоединялись к разной критике этой теории на пленуме РАПП и на активе ЛАПП, и поэтому считать т. Воронова, к тому же не обсуждавшего на группе, никоим образом не может служить документом творческой платформы группы «Закал».

Рабочая творческая литгруппа «Закала», как и ряд других творческих групп РАПП, не имеет еще своей законченно оформившейся творческой платформы, выработанной на основе литературно-политической и творческой платформы РАПП. Выработка такой платформы —есть длительный процесс овладения методом диалектического материализма членами группы в процессе их учебной учебы, творческой работы и творческого сотрудничества с другими творческими группами РАПП.

Рабочие писатели и рабкоры кружковцы, объединенные в группе «Закал», обратились с «Литфронтом» за чистку налитовской большевистской линии, литературно-политической и творческой линии РАПП, и дальше будут проводить эту линию в своей работе и в своей борьбе со всеми врагами пролетарской литературы, за утверждение гегемонии пролетарской литературы, за создание «большого искусства большевизма».

ЧЛЕНЫ ГРУППЫ.

необходима полная ясность

Группа «Закал» осудила теорию «двух струй» в пролетарской литературе. Эта теория, выдвинутая, как известно, «закальцами», утверждала, что в пролетарской литературе борются две творческие струи: «пассивно-созерцательная» (Фадеев, Либединский, Чумандрин и др.) и «активно-действенная» (Панферов, Ильенков и др.). Полобная теория, черпая свою аргументацию из старого «лит-фронтовского» арсенала, обходила содержание творческого соревнования в пролетарской литературе (в которой существует ряд творческих направлений), упускала в частности из виду наличие творческих установок Большевиков, с одной стороны, и «внутреннего полутянчества»—с другой, и тем самым давала неверную перспективу дальнейшего развертывания соревнования творческих группировок в РАПП.

Осуждение «Закалом» этой теории и признание ее лит-фронтовского характера, вносит ясность в ряд вопросов творческой дискуссии и помогает освобождению последней от излишних накладных расходов.

К сожалению, резолюция «Закала» имеет новую путаницу. «Закал» утверждает, что теория «двух струй» впервые декларирована в моей статье о «Брусках» Панферова («На литпосту», № 15—16 за 1930 год.

В этой статье я писал: «огромный и достаточный материал для... понимания двух творческих линий в пролетарской литературе дает творческая практика, продукция пролетарской литературы последних лет». О чем шла в моей статье речь? О том, что «лит-фронтовскому» течению (как одному полюсу) противостоят творческие установки огромного большинства пролетарских писателей. Так это было в творческой дискуссии прошлого года. Против «Лит-фронта» и за творческую программу, изложенную (через месяц после опубликования моей статьи) в письме секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии, боролись Фадеев вместе с Панферовым, Либединский вместе с Ильенковым, Ставский вместе с Чернецко.

«Но,—писал далее,—полная ограничиваться указанием за общность линией огромного большинства пролетарских писателей. На новом этапе творческой дискуссии задача марксистской критики заключается не только в отыскании того **общего**, что объединяет огромное большинство пролетарских писателей, но и того **особенного**, что отличает друг от друга различные, уже сейчас складывающиеся «полфракции» в одной господствующей творческой «фракции пролетарской литературы» (стр. 61).

Таким образом в моей статье была дана следующая схема: «Литфронту» по творческой линии противостоит огромное большинство пролетарских писателей. С другой стороны, среди последних существовали и существуют различные творческие «полфракции» (струи). Эту схему, не имеющую ничего общего с теорией «двух струй», я считаю правильной и не вижу основания пересматривать ее.

Почему же «Закал» изобразил меня родоначальником теории «двух струй»? Либо он был занят в заблуждение (тогда необходимо это заблуждение рассеять), либо он не согласен с тем, что в борьбе с «Литфронтом», Фадеев, Кирилов, Панферов, Либединский, Чернецко (при всем отличии их творческих установок) были объединены общностью творческой программы, формулированной в письме секретариата РАПП. Но такое несогласие вызывает законный вопрос: значит—по мнению «Закала»—письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии не является и не является творческой платформой всего пролетарского литературного движения (кроме товарищей, примыкавших в то время к «Литфронту»)?

«Закалу», необходимо внести окончательную ясность в свою позицию.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

разрыв с „перевалом“— решительный шаг

к возвращению в ряды революционной литературы

Ефим Вахров и Андрей Новиков письмом в редакцию «Литературной газеты» сообщают о своем выходе из «Перевала». Один за другим уходят писатели из группы, называющей себя до сих пор «содружеством писателей революции», но на деле являющейся оплотом воронщины, противопоставившим себя всей революционной литературе, заведшим в тупик идейно и художественно запутанной. Для писателя-«перевальца», желающего бороться оружием художественного слова за социализм, нет иного пути, кроме решительного разрыва с «Перевалом».

Вместе со всем «Перевалом» тт. Вахров и Новиков совершили крупные ошибки. Особенно велики ошибки, совершенные А. Новиковым («Причины происхождения гуманностей» «Гроздное поле»). Но товарищи, являющиеся членами коммунистической партии, сделали сейчас тот шаг, который является единственно-возможным для коммунистов, подводящих итоги деятельности «Перевала».

Так или иначе, в 1931 году «Перевал» перестал существовать в качестве сколько-нибудь весомой литературно-политической и творческой группы. Задача всей революционной литературы и коммунистической критики остается дальнейше развертывание борьбы за разоблачение идейных установок воронщины.

Письмо в редакцию „литгазеты“

«СОДРУЖЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ «ПЕРЕВАЛ».

Просим сообщить, что мы выходим из Содружества писателей революции «Перевал», так как не разделяем его основных общественно-творческих установок.

ЕФИМ ВАХРОВ, АНДРЕЙ НОВИКОВ
5 октября 1931 г.

НАМ ПИШУТ

Бурято-монгольская опера совершенно безобразствует. Последнее собрание Бурят было в ярости. Большинство РАПП о провале учеников в литературу не проводили в жизнь. Литературная при газете «Бурято-монгольская правда» не выходится.

ЛИТУДАРНИК

***

В таком крупном промышленном районе Северного Кавказа, как Шахтинский, насчитывающем до 25.000 рабочих-шахтеров, работа по приему ударников в литературу не велась. Единичные литкружки без руководства распались. Шахтинская газета «Ударник» также. Ударник-литдружковец обратился в газету Скала за неудовлетворенностью такого отношения к прослойке. Но только литкружковцы остаются неудовлетворенными.

За семь месяцев при газете «Красный шахтер» выпущена только одна литстраница. Необходимо немедленно Скала повернуться лицом к приему ударников-шахтеров в литературу.

***

Казанская организация спит. Не отзывается секретариат РАПП о новых перевоз тоже не реализуется. Даже самое постановление РАПП до сих пор никто не обсуждалось. Правление Казани — живой труп.

В связи с безобразнейшим руководством правления распалась поэтская Семипалатинская организация. Распадается литгруппа в Усть-Камен-городке: на краю рабочих литкружков завода «Риддера». Коллективно-возможным для коммунистов, подводящих итоги деятельности «Перевала».

Так или иначе, в 1931 году «Перевал» перестал существовать в качестве сколько-нибудь весомой литературно-политической и творческой группы. Задача всей революционной литературы и коммунистической критики остается дальнейше развертывание борьбы за разоблачение идейных установок воронщины.

Извещения

* 12 октября — 17 ч. — в помещении МАПП (Тверская, 51) — общее собрание кандидатов МАПП.

* 12 октября — 20 ч. — собрание дворской секции ФОСП (Пятрской 6., 29, Дом Горького). В повестке план работ на 1931—32 г. Доклады Рязанова, Инбер, Шер.

* 15 октября — 20 ч. — в помещении белорусского клуба (Арбат, 51) — общее собрание белорусов МАПП.

* 19 октября — 18 ч. — клуб ФОСП им. Горького — собрание критической секции и доклады МосПОКАФ. Доклад Данилова о задачах контрольной секции и обсуждение плана работ.

* 19 октября — 20 ч. — в Доме Горького—собрание кружка очерковцев «Новой Москвы». Читает Тев. Сотовьев — «Колхозная литературная».

* 23 октября — 19 ч. — первое отчетное творческого объединения коллектива писателей МАПП при журнале «Молодая гвардия» (В. Чернавский, Ф. Прислонский, Н. Кирьянова, Кольцов, Исбах, Ф. Ольгин, Бороздин, Горбатов, Шевцов, Ш. Ольский, Афоромов, Карышев, Лавров, Кавальчик, Чернышев, Корабельников, Абозьников, Полищин, Грин, Маргулис, Сидорин, Жаров, Котов, Мезенов, Буковский, Гусев, Чигрышов, Поздеев, Резников, Шкенов, Эгерт, Чуваин, Пейтин, Я. Микулинский, Вейс, Добровольский, Мерзон, Кан, Гусева, Кемрат, Сурков, Тропенко, Уткин, Бельмонтий, Шевцов, Кубиков, Матвеев, Гелин, Ильин, Пототин, Бровман, Самсонов, Зарубин, Ляпкин, Новоселов, Ивановский, Зубов).

* 26 октября — 19 ч. — «Новая хроника» (Дом Горького) — отчетное литературное собрание. Отчитает из романа «Творчество» читает т. Г. Никифоров.

вечер, посвященный творчеству е. жарова

Секретариат московского горкома комсомола настоящим организовать совместно с МАПП литературный вечер, посвященный творчеству поэта А. Жарова в связи с десятилетием его поэтической деятельности.

Вечер состоится 21 октября.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Я. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

литературное сегодня

● Писательская общественность еще не вовлечена в борьбу за качество книги. При Мосгороме писателей организован производственно-товарищеский суд, которому будут даны все права товарищеского суда на предприятиях на основе имеющихся законоположений. В производственно-товарищеский суд МГРК избраны тт. Н. Шушканов (председатель), П. Арский, П. Павленко, П. Скосырев, Егорошкин и А. Исбах.

Избрана единая комиссия Мосгоркома писателей и ФОСП в составе: Д. Аптаузена (председатель), Фридмана, Г. Тарана, О. Колесниковой, П. Снетова, П. Арского, Пяшкевича, Наседкина и Бронштейна.

● При ленинградской федерации писателей открыта справочная библиотека для писателей и рабкоров-ударников, пришедших в литературу.

● В этом году исполняется десятилетие существования журнала «Красная новь», организованного по инициативе В. И. Ленина и Н. К. Крупской. «Красная новь» был первым литературно-художественным журналом, вышедшим после революции. В писательских кругах ведется подготовка к юбилею.

● В рукописном отделении библиотеки Академии наук в Ленинграде обнаружено несколько неизданных до сих пор автографов Пушкина. Найденные автографы представляют исключительный интерес. Среди них обнаружено несколько неопубликованных рисунков поэта, его автопортрет начала 1820 г., планы романа «На кавказских водах», небольшой отрывок из поэмы «Видение», а также переписанный Пушкиным в 1814 г. сборник стихотворений лицеистов «Жертва Музе или лицейская вакханалия». Экспертизой установлено, что весь сборник переписан рукой Пушкина.

● Секретариат РАПП выделил Пролетарский район Москвы как опытно-показательный район рапповской работы.

● К открытию всероссийской конференции ВССП будет организована выставка литературных писателей — членов ВССП за 1930 — 31 гг. Сейчас проводится сбор материалов к выставке.

● Литературно-творческий кружок МОПШИ Лефортовского завода сельскохозяйственных машин работает над коллективной книгой «Лефортовская комсомолия». В книге будет отражена борьба комсомола за производство 5000 лефортовцев.

● На секретариате МАПП был заслушан доклад представителя массового сектора ГИХЛ т. Пашкова о плане работ на 4-й квартал. Обсуждался вопрос о совместной работе массового сектора ГИХЛ с МАПП. Секретариат МАПП поставил вопросы для работы в редсовете ГИХЛ дискуссии кружковцев-литературщиков.

условия приема на заочно-консультационное отделение института красной профессуры литературы, искусства и языка при коммакадемии цик ссср

1. Открывающееся заочно-консультационное отделение института Красной профессуры литературы, искусства и языка обслуживает заочников 3 категории: а) проходящих полную программу института, б) готовящихся к поступлению на очное отделение ИКП ЛИЯ и в) консультирующихся по отдельным вопросам по линии литературы и преподавателей вузов, комвузов и сотрудников исследовательских институтов.

2. В число заочников первых двух категорий А и Б принимаются члены партии работники с 6-ти-летним, крестьяне и служащие с 8-летним партстажем для всех обладателей стажа общественно-массовой работы).

3. Комплектование заочников в ИКП ЛИЯ будет производить непрерывно.

4. Срок прохождения заочного обучения устанавливается в 4 года, при чем товарищи, успешно прошедшие первые 2 курса заочного отделения и выявившие себя как научные работники, зачисляются на последний год и действительно слушателями ИКП ЛИЯ (на 3-й курс). Для оплачиваемых за учебу организациями поведение оговаривается в договоре при его подписании.

5. Командирующие учреждения и организации выделяют средства на оплату материальных расходов за учебу командированных тт. в размере 200 руб. в год на каждого слушателя первой категории согласно заключаемых с ЖКО Комакадемии договоров.

6. Заочный ИКП ЛИЯ будет производить прием на следующие отделения: газетно-редакторское, литературно-критическое и отделение искусств) с разделами — кино, изо, самодеятельное искусство и массовая художественная работа: театр, музыка, радио).

7. Для приема на заочное отделение по категории А товарищи должны подать в ИКП ЛИЯ следующие документы:

а) заявление о приеме с указанием отделения на которое предполагает поступить кандидат;

б) заполненную анкету слушателя ЗКО ИКП, заверенную партийной организацией;

в) рекомендацию ЦК ВКП(б), обкома, крайкома или ЦК компартий и командировку организации, берущей на себя расходы по обучению слушателя;

г) подробную характеристику ячейки, утвержденную райкомом, с справку о партстаже и социальном положении;

д) документы об образовании для лиц, окончивших вузы или комвузы в 1929 — 1931 гг.;

е) печатные труды, если таковые имеются.

8. Для приема на заочное отделение по категории Б кроме перечисленных документов в параграфе 10 (за исключением командировки организации, берущей на себя расходы по обучению), необходимо доставить документы об отношении к воинской повинности и справку о годе рождения.

9. Заявления и документы необходимо направить в мандатную комиссию ИКП ЛИЯ (Москва, Остоженка, 53)

10. Товарищи успешно выполнившие поставленным условием и допущенные мандатной комиссией ЦК ВКП(б), представляют краткие контрольные работы по 3 дисциплинам: диалектическому материализму, политической экономии и ленинизму (темы будут рассылаться по рассмотрении заявления).

11. Зачисленные в число заочников ИКП ЛИЯ по категории А получат программу, тождественную с программой дневного отделения (см. «Бюллетень заочного обучения ИКП» № 9 и следующие), присылают на консультацию краткие планы по темам и доклады по разделам. Учебно-проверочные конференции для заочников категории А будут созываться 2 раза в год, для учащихся в которых заочник получает консультационный отпуск по месту работы с сохранением содержания своих социального стажа (согласно пост. ЦК ВКП(б).

12. Минимум литературы, требуемой для поступающих на заочное отделение, определяется основному отделению в журналах «Большевик» № 16 на «Литературном посту» № 20—21, «Бюллетень заочного обучения ИКП» № 6 за 1931 год.

Примечание: Заочники категории Б проходят указанный минимум литературы на протяжении всего учебного года.

ДИРЕКЦИЯ ИКП ЛИЯ.

производственное совещание очеркистов

в октября состоялось производственное совещание пролетарских очеркистов, на котором **В. Ставский** читал отрывки из новой книги «Заринца», являющейся продолжением «Разбега». В обсуждении прочитанного приняли участие тт. Гинзбург (И. К. Н.), Жига, Кирьянова и ряд литературщиков. В выступлениях было отмечено, что, несмотря на ряд недостатков, новая книга В. Ставского свидетельствует о дальнейшем росте писателя и продвижении его вперед после «Разбега».

В. Ставский заявил, что необходимость творческой среды совершенно очевидна, что только при наличии ее возможно организованное и активное творчество, что высказывания товарищей чрезвычайно помогают ему в работе, и что он разумеется примет их к сведению.

Совещание избрало постоянное бюро очеркистов в составе В. Ставского, И. Жига и А. Кирьянова. Бюро поручено разработка конкретного календарного плана работ и систематическое руководство совещаниями очеркистов. Решено в течение ближайшего времени прочесть и обсудить произведения пяти очеркистов, проработать доклады творчества Глеба Успенского, Николая Успенского, Чехова, Ларисы Рейснер, Решетникова и др. Для теоретических докладов решено привлечь работников ЛИЯ Комакадемии. Занятия производственного совещания очеркистов будут производиться по 8, 18 и 28 числам каждого месяца.

Е.

на фабриках книги

— В ГИХЛ выходит в октябре следующие книги: «Вчера и сегодня» — альманах бывших беспризорников и правонарушителей с предисловием М. Горького; книга С. Мирер и Б. Боровик «Революция», написанная по устным рассказам уральских рабочих о гражданской войне, повесть А. Малышкина «Севастополь» сборник стихов В. Луговского, в которой вошли избранные стихотворения периода 1923—1930 года. — Книга очерков Мих. Кольцова «Действующие лица» выходит в серии «Поиски революционной литературы». Книга В. Ермилова «Против меньшевиков в литературной критике» выходит в серии «История литературы и критики».

открытое письмо

в производственный сектор журнально-газетного об'единения и в заводоуправление интернациональной типографии

Уважаемые товарищи!

Редакция «Литературной газеты» принуждена обратиться к вам с этим открытым письмом, так как неоднократные наши попытки разрешить вопрос другими путями не к чему не привели.

Речь идет о том, что «Литературная газета» имеет из рук вон плохую корректуру. Опечатки, нередко искажающие смысл, насчитываются в каждом номере пачки газеты не единицами, а десятками. Нет нужды приводить факты, так как каждый наш читатель знает их множество.

Мы, вместе со всеми нашими читателями, требуем принять самые срочные меры к улучшению корректуры газеты и правки ее.

Одновременно необходимо принять меры и к улучшению печати «Литературной газеты». Сейчас качество печати таково, что мы совершенно лишены возможности помещать фотографии, да и целый ряд штриховых рисунков также выходит обезображенными.

О предпринятых для устранения этих недостатков ваших просим немедленно наших читателей в ближайшем номере «Литературной газеты».

Редакция ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 2 ЕЖЕДНЕВНОЙ МАССОВОЙ ГАЗЕТЫ
„ФОТОКОР“
орган Союзфото и ОЗПКФ
ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:
ЦКК ВКПБ проверяют состояние фотокела.
1-го октября начинается подписка на фотозаем.
Порядок отпуска продовольствия изменен.
Цена № 10—коп. Требуйте во всех киосках.
Открыт прием подписки.
Журнально-газетное об'единение

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на газету „ФОТОКОР“:
12 мес.—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 к.
На „Фотокор“ с прил. библ-ки (3 книги в месяц):
12 мес.—10 руб., 6 мес.—5 руб., 3 мес.—2 руб. 50 коп.
Подписку сдавайте исключительно почте до установленного ею срока.

Г. ОКУБОВСКИЙ
ПИСАТЕЛИ и КРИТИКА
Кратк. содержание: С. Есенин, Л. Сейфуллина, И. Бабель С. Малашкин, А. Новиков-Прибой М. Сивачев Т. Низовой, Н. Федин Ф. Гладков, Д. Фурманов, М. Горький. 180 стран. Ц. 1 р. 50 к.

ПАВЛОВ-ШУШКИН
СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ
русского литературн. языка (10.000 слов)

Д-р НИФАНТОВ
ПАМЯТЬ
ЕЕ НЕДОСТАТКИ и МЕРЫ к ИХ УСТРАНЕНИЮ
Новое 2-е издание 13-1 г.
Под редакцией проф. Ив. ПАВЛОВА, с 14 рисунк.
Цена 2 р. 25 коп.

Проф. Т. М. ЮДИН
ЕВГЕНИКА
Учение об улучшении природных свойств человека. Цена 3 руб.

Высылает наложенным платежом новый магазин ПРОГРЕСС Москва, 9, Московская, 26

ПОВЫШАЙ СВОЮ ТЕХНИЧЕСКУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ.
ОВЛАДЕВАЙ ПОСЛЕДНИМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ ТЕХНИКИ.
Читай иллюстрированный научно-технический популярный журнал
„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“
орган Всесоюзного о-ва «ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ» и ВЦСПС
«ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ»
организует широчайший поход миллионных трудящихся масс за знанием и техникой — Борется за техническое просвещение промышленности, сельского хозяйства и транспорта. — Помогает технической самообразованию трудящихся. — На большевистски ставит и освещает вопросы науки и техники.
КАЖДЫЕ 10 ДНЕЙ вместо двух раз в месяц будет выходить «ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ» в 1932 году.
Впервые при журнале в 1932 году дается ежемесячное иллюстрированное приложение «ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА» 12 книг в год по 3 печатных л. т.а.
ОТКРЫТ ПРИЕМ подписки на 1932 год:
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на журнал «Овладеем Техникой» 12 мес.—6 р. 50 к.; 6 мес.—3 р. 25 к.; 3 мес.—1 р. 75 к.; 1 мес.—60 к.
с прилож. Библиотеки: 12 мес.—10 р.; 6 мес.—5 р. 25 к.; 3 мес.—2 р. 70 к.; 1 мес.—90 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

В СВОЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
извещает, что при кабинете редактора издательства
ОРГАНИЗОВАНА
ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ
ПО МОЛОДЕЖНОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
В качестве консультантов приглашены редактора и автора издательства „Молодая Гвардия“ тт. Безыменский, Белгинин, Колко, Галин Гребенщиков, Гершензон, Грин, Жаров, Желонский, Марков Милитинский, Морщинер, Полатин, Окалов, Рамм, Резник, Сергеева, Тетерин Шабад, Шер.
Консультация производится ежедневно (кроме 2-х и 7-х чисел) с 12-ти до 14-ти и с 18 ти до 20-ти час. в помещении библиотеки Издательства „Молодая Гвардия“ (Новая пл., 6/8).
Зав. массовым сектором издательства «Молодая Гвардия» Б. Ольминский

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
ПЕРВЫЙ СБОРНИК ИЗДАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО
ОРГАН РАПП и ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ КОМАКАДЕМИИ
под редакцией: Л. Авербаха, И. Иппомита и Ф. Раскольникова
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикациям неизданного и забытого литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.
Издание будет богато иллюстрировано.
Об'ем каждой книжки до 300 страниц.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 7 руб. 50 коп. за три книги. Цена отдельного номера в розничной продаже 2 руб. 75 коп.
Подписка принимается почтой и письмоносцами.
Журнально-газетное об'единение (Москва, 6, Страстной бульв., 11), принимает заявки на подписку 3-х книг наложенным платежом за 7 р. 50 к. (пересылка за счет об'единения).
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

К сведению подписчиков на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ“
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ТРЕТЬЯ КНИГА „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“
ЗАСЛАВСКИЙ
„ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ“
Кроме этой книги по первому взносу абонементной подписки на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ“ будет выслана еще одна 4-я книга
Подписчики, уплатившие только первый взнос по абонементной подписке на журнал «Огонек» или «Овладеем техникой» («Искры науки»), или «Борьба классов» с приложением «Всемирной истории», могут подписаться на пятую и последующие книги «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» в виде приложения к журналу «Огонек» или «Овладеем техникой» при условии возобновления подписки на один из этих журналов с доплатой в 14 руб., а к журналу «Борьба классов» — при подписке с доплатой в 15 руб. 75 коп.
Новую подписку на полный комплект 24-х книг «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» можно принимать за доплату 17 р. 75 к. в качестве приложения к любому изданию Журнально-газетного об'единения («Огонек») с текущего месяца.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Уполн. Главлита В 105359
Интернациональная (29) тип. «Мосполиграф», пр. им. Сталина-Сокольн., д. 1.